

Что должен знать окладчик

Н. А. Зворыкин

Оглавление

[Предисловие](#)

[Приемы охоты](#)

[Влияние на поведение зверя его сытости, бывалости характера местности](#)

[Подготовка](#)

[Выслеживание](#)

[Оклад](#)

[Стрелковая линия и номера](#)

[Гон](#)

[После выстрела](#)

[Некоторые положения и пожелания](#)

Предисловие

Зимняя зверовая общественная охота требует предварительного выслеживания зверя, обхода или объезда его в известной площади, определения направления и перехода, которые зверь охотнее всего примет, и выбора стрелковой линии со строго намеченными местами для стрелков (номераами), выбора, связанного с наивыгоднейшим сочетанием ветра, лаза, нагонистости и обстрела. Все эти задания могут быть выполнены лишь компетентным (сведущим) лицом—окладчиком, при том знакомым с местностью.

Что же должен знать окладчик?

Прежде всего он должен быть хорошо знаком с образом жизни тех зверей, охоту на которых он подготавливает и проводит; он, конечно, должен знать, чем питается зверь, в какой период получается приплод, какова средняя численность молодняка и когда наступает время его взматерения, где именно предпочитает тот или иной зверь пребывать, какими местами он чаще проходит, какова приблизительно величина в известных границах, коренного района зверя- Привычки, повадки и характер зверя без сомнения должны быть хорошо известны окладчику, а чтобы выследить и обложить зверя, надо, понятно, уметь распознавать как следы зверей, так и свежесть следов, иметь опыт по вкладыванию, знать расположение лесных площадей, дорог и селений данной местности и уметь быстро ориентироваться.

Много времени и труда требуется для накопления опыта, достаточного, чтобы иметь возможность ясно, сознательно и уверенно осуществлять искусство окладчика, сталкивающегося в своей деятельности! с самыми разнообразными условиями и положениями работы. Эти разнообразные положения, зависящие и от погоды, и от местности, и от особенности (индивидуальности) данного зверя, требуют проявления основательных знаний окладчика; во многих случаях успех зависит от степени его таланта.

Сложные иногда комбинации по выслеживанию, выбору лаза, стрелковой линии, гону требуют учета и предвидения всех деталей, могущих создать то или иное поведение зверя; это своего рода шахматы по разнообразию встречающихся положений. Но как а шахматах есть известные аксиомы (общепризнанные истины), которые составляют основу теории этой игры, так и при выслеживании, складывании, выборе лаза, установке стрелковой линии и гоне существуют известные теоретические положения, несоблюдение коих ведет к неудаче. Эти положения, из коих некоторые пояснены чертежами и случаями, взятыми из практики, разобраны в соответствующих главах. Основные положения, конечно, помнит и соблюдает каждый окладчик, но мелкие детали, которые свиваются вокруг, составляют своего рода паутину, а она распутывается лишь на практике опытом и талантом окладчика - К сожалению, ряды опытных окладчиков редуют и убыль их не пополняется нужной и достаточной сменой. Существующий на окладчика спрос значительно выше предложения. Недаром на собрании уполномоченных т-ва «Московский охотник» было вынесено постановление об учреждении школы егерей.

Спрос на окладчиков-егерей должен значительно увеличиться при правильном развитии охотничьего хозяйства, особенно при успешном росте приписных хозяйств. Подготовка и проведение коллективных зверовых охот, учет дичи, диче-разведение, уничтожение хищников, выполнение других, связанных с охотничьим¹ хозяйством поручений, охотартели, или т-ва, возможно лишь при наличии специального персонала окладчиков-егерей. Ввиду этого, издание брошюры, дающей практические сведения, и указания по предметам знаний окладчика, относительно проведения зимних зверовых охот, несомненно, вызывается потребностью. Эта потребность становится еще шире, если принять во внимание колоссальный рост числа охотников.

Знания, почерпнутые из книжки, не сделают без практического навыка хорошего окладчика, но они, несомненно, облегчат приобретение знания и систематизируют знания лица, занимающегося этим делом, разрешат некоторые его сомнения, убедят раз навсегда в тех предположениях, к которым он сам склонялся, и помогут выработать дельного, толкового специалиста.

Практика теперь не столь разнообразна, какую она была несколько десятков лет тому назад при обилии зверя, и поэтому книжные знания (особенно теперь) облегчают и ускоряют приобретение опыта при обедневшей зверями природе. Очень желательно, чтобы опытные окладчики и читатели из числа охотников, лично занимавшихся подготовкою, охот, помогли сохранить для молодой смены результаты своего опыта, хотя бы путем сообщения мне через издательство «КОИЗ» о нужных дополнениях или изменениях в этой книжке.

Автор.

Приемы охоты

Систематическое добывание зверя может иметь место при соблюдении определенных приемов охоты. Приемы эти, как основанные на знании характера и повадок зверя, служат достижению успеха, обеспечивая его в значительной степени. Способы общественных зверовых охот, о которых здесь только и идет речь, сводятся к чисто облавному, к охоте с флагами и псковскому способу.

Перечисленные способы в большинстве случаев требуют подготовки и безусловного проведения охоты особым лицом— окладчиком.

Чисто облавная охота подразумевает:

- 1) обход (обкладывание) зверя по следам в определенном участке леса, зарослях или реже на открытом месте,
- 2) окружение обойденной площади (за исключением стрелковой линии) загонщиками, расставляемыми в зависимости от условий и характера местности на расстоянии друг от друга 300-300 шагов приблизительно и
- 3) выгон зверя на стрелков путем продвижения загонщиков по окладу к стрелковой линии с криком или посредством одного только крика загонщиков с мест.

При облавах подвижных все загонщики, кроме крайних к стрелкам, строго соблюдая установленные между ними интервалы, проходят по окладам, постукивая или покрикивая образуя оцеплением своего рода живой невод. При приближении к выходу на стрелковую линию загонщики должны постепенно выравниваться в прямую линию, подтягивая, так сказать, матицу этого живого невода (см. рис. 1, 2, и 3).

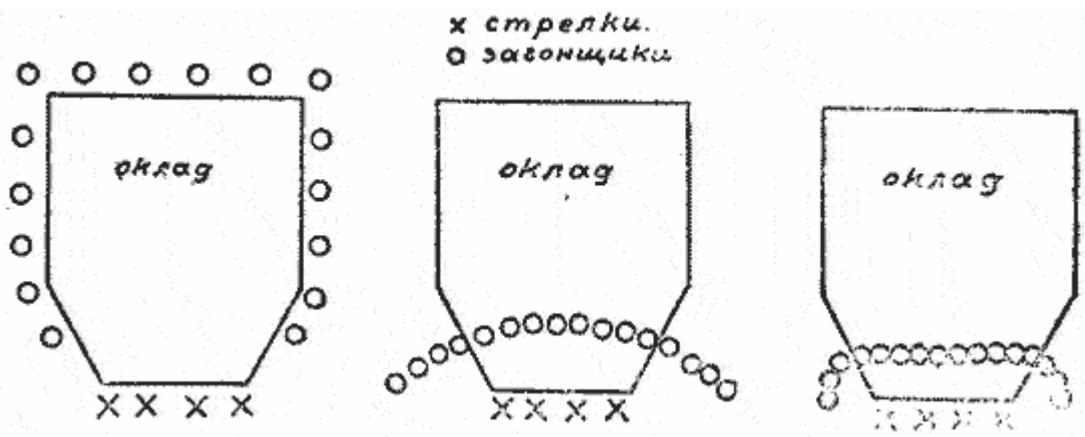

Рис. 1. Кольцо загонщиков в начале гона.
 Рис. 2. Кольцо загонщиков перед выходом на линию.
 Рис. 3. Линия загонщиков при выходе на стрелков.

Большинство зверовых облав требует, чтобы первые от стрелков приблизительно 1—5 загонщиков, в зависимости от оклада, выполняли роль так называемых молчан, т. е. не кричали бы, так как крик сбил бы зверя с хода на стрелков.

Поведение молчан в отличие от прочих загонщиков заключается не только в молчании; задача их (по крайней мере первых от стрелков)—стоять недвижимо, иногда даже заслонившись, словно стрелки, и зорко следить за появлением зверя, обнаруживая себя, и то в меру, когда зверь направляется на охраняемый ими участок с целью прорваться; некоторые молчане, отстоящие дальше от стрелков, в зависимости от условия местности и линий оклада, стоят молча, но на виду, следя, чтобы зверь не прорвался; молчане, стоящие еще дальше, должны двигаться на месте или слегка постукивать. Наметить заранее роль каждого молчанина на все случаи невозможно, так как выяснение обязанностей каждого делается применительно к форме оклада, густоте лесонасаждения, количеству стрелковых номеров и другим условиям на месте. Во всяком случае то или другое поведение молчанина должно в основе преследовать два задания — не отгонять своим видом или поведением зверя, идущего на стрелков, и не пропускать зверя через линию охраняемого участка.

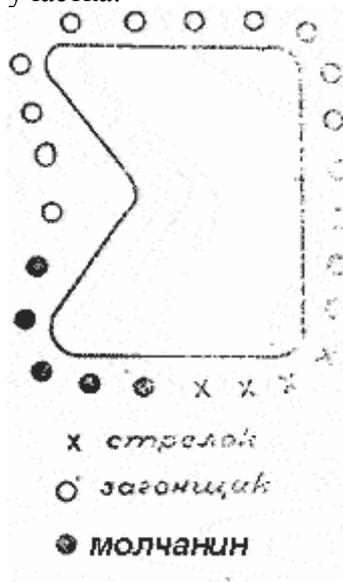

Рис. 4

Из примерного чертежа (рис. 4) приблизительно видно теоретическое значение молчанина.

Молчан иногда заменяют занавесами, которыми служат обычно одеяла, попоны, одежда, половики и т. п., развешиваемые на кустах или ветвях деревьев.

При облавах неподвижных, когда зверь выгоняется на стрелков не продвижением загонщиков, а одним криком стоящих на месте загонщиков, надобность в молчанах остается. Однако далеко не всегда удается криком с места заставить зверя выйти на стрелковую линию. Ввиду этого при неподвижных облавах практикуется продвижение по окладу нескольких более опытных загонщиков, возглавляемых окладчиком. Эти немногочисленные загонщики (от 3 до 5), при неподвижной цепи остальных, носят название «ершей».

Несмотря на то, что загонщики занимают приблизительно $\frac{8}{4}$ окружности оклада, причем примерно $\frac{1}{4}$ часть круга занимают стрелки, тем не менее этого мощного двигающегося оцепления недостаточно для того, чтобы заставить зверя выйти на стрелковую линию, если не сообразоваться с необходимыми условиями, описанию коих посвящена отдельная глава. Чисто облавная охота является способом, применяемым как на хищных, так и на копытных зверей, и в этом отношении возможности этого способа шире, чем у охоты с флагами, осуществляемой как прием весьма действительный, но в отношении лишь волков и лисиц-

Самый процесс чисто облавной охоты вызывает значительные дополнительные заботы окладчика, приняв во внимание, что подавляющее количество 'фактических его помощников-загонщиков не принадлежит к числу не только охотников, но чаще всего вовсе не осведомлено о своем назначении. При неподвижных облавах роль большинства загонщиков несложна, однако, окладчику остается порядочно забот по растолкованию каждому молчанину особых обязанностей. При облавах же подвижных много трудов ложится на окладчика, чтобы заставить движущуюся цепь продвигаться равномерно, с соблюдением в звеньях ее установленных промежутков, и слушаться распоряжений, не заглушая своими голосами возможности их передачи. По этим соображениям облава неподвижная, но с ершами, представляет собою более совершенный прием.

Охота с флагами в основе своей является тоже видом облавной охоты, но она прежде всего отличается отсутствием характерного признака чисто облавного способа— окружения оклада лавиной загонщиков, которые заменяются шнуром (флагами), и производится обычно всего тремя загонщиками (окладчик и два помощника). Этот способ поэтому менее гро-моздок и значительно более подвижен, тем более при необходимости сняться и ехать всей Охотой, выслеживая или преследуя зверя. Как было уже упомянуто, способ охоты с флагами действителен и мощен (только в отношении волков и лисиц. При охоте на этих зверей флаги без сомнения имеют преимущества.

Флаги заменяют всех фланговых загонщиков. Окладчик, не имеющий постоянных помощников, должен приглашать в качестве таковых преимущественно одних и тех же лиц, привыкших к делу и дисциплинированных, хотя бы и не могущих вести самостоятельно подготовку, выслеживание, складывание и проведение самой охоты. Охота с флагами не только позволяет, но и требует от окладчика значительно большего мастерства, чем при охоте чисто облавной, поэтому ему необходимо опираться на некоторый хотя бы опыт своих помощников. Особенности и преимущества способа охоты с флагами таким образом заключаются:

- 1) в малочисленном, но более опытном подсобном составе охотничьего персонала,
- 2) в непрерывности линии флагов,
- 3) в неизменном выполнении флагами приданного им назначения,
- 4) в составе флагов караулить и вызывать не столько страх зверя, сколько осторожность,
- 5) в возможности затянуть флагами зверя на ходу и
- 6) в незаменимом удобстве задержать зверя в окладе до прибытия стрелков.

Лежащая на ответственности окладчика обязанность выставить зверя на номера имеет в виду желательность достижения прямого выхода зверя на стрелковую линию без шатания по окладу и посовывания на фланги. Псковский способ охоты построен исключительно на точном знании псковичем перехода зверя и на следовании стронутого зверя на этот переход или переходы, занятые стрелками.

Успех этой охоты рассчитан прежде всего и почти целиком не на сдерживающих зверя препятствиях к следованию его по нежелательным для псковича направлениям, а не свободном ходе зверя излюбленным лазом на определенный переход. Охота псковским способом по приведенным особенностям, когда имеется лишь один верный переход, может производиться даже при наличии одного окладчика-псковича и одного стрелка, резко отличаясь от чисто облавной охоты и отчасти от охоты с флагами, которая хотя также может производиться с наличием тех же сил (1 окладчик и 1 стрелок), но зато имеет всегда фланговые заграждения шнуром.

Псковский способ осуществляется как для нагона обложенного зверя, так и в случае нахождения зверя на ходу. Он осуществляется как на площадях лесных, так и на открытых местах, обычно силами окладчика и 2 помощников. Способ этот имеет некоторые оттенки в приемах, в зависимости от того, Наганивается ли зверь на точно определенный переход или тропу, или же зверя гонят на лазы вообще. В первом случае, как уже было сказано, зверя может нагнать и 1 пскович, стронув его с лежки; во втором случае нужна помощь с флангов в виде 2 загонщиков; а иногда в придачу и занавесов, в количестве от 1—5 штук, которые либо вешают на ветки кустов и деревьев, либо бросают на открытых местах на снег, па-возможности не плашмя, а так, чтобы получилась выпуклость, заметная на расстоянии.

При нагоне на поле прибегают к заезду и к гону зверя на лошадях (стоя» в санях), чтобы лучше наблюдать за зверем и своевременно направлять его на стрелка.

Величина оклада или «круга», где замечен или обложен зверь, при нагоне псковским способом на определенный переход нередко без ущерба бывает значительно больше, чем при облавном способе или при охоте с флагами.

Псковский способ нагона зверя, безусловно, требует мастерства, которое дается предвидением малейших деталей обстановки. Знание местности имеет, при осуществлении этого способа в особенности, выдающееся значение. Трудно бывает непосвященному человеку, понять каким образом может окладчик-пскович предугадать прохождение зверя именно у данного одиноко стоящего дерева, находящегося за 2 километра от места, где находится зверь, когда весь окружающий пейзаж ничем не

отличается. Если мы вспомним, с какою точностью гончатник предопределяет лаз русака среди обширного поля; даже до предшествовавшего круга, сделанного этим русаком под гоном, то мы легче поймем и те пути, которыми пскович приобрел способность творить, как казалось сперва, сверх-естественные дела.

Как ни как, а чтобы творить эти дела, чтобы обладать предвидением псковича, нужен опыт и опыт при способностях Псковича.

Псковский способ теперь применяется сравнительно мало; причиной является не только малое количество специалистов этого дела, но и напуганность зверя, способствующая частым изменениям переходов.

Влияние на поведение зверя его сытости, бывалости характера местности

Состояние сытости или голода, особенно хищного зверя, имеет большое влияние на его поведение. Все животные вообще в сытом состоянии стремятся к отдыху; хищные же, питающиеся преимущественно мясом, часто голодающие (так как мясо достается большей частью с трудом и далеко не регулярно) имеют еще больше склонности к отдыху после сытого обеда; к тому же они проявляют в еде большую жадность, а свойственная им кровожадность толкает их на пожирание, особенно парного мяса, в объеме, значительно отягчающем их и сильно клонящем ко сну.

Хищные звери, стремясь на отдых, с ослабленным интересом относятся к своим охотничьим возможностям по пути и лениво уходят прямым ходом на покой, оставляя признак лени в отпечатках своих следов. Напротив, зверь голодный нередко не прекращает и днем своих передвижений в надежде поживиться добычею. И только после сильного утомления успокаивается на короткое время, чтобы снова возобновить поиски. Не столько передвижение является природною потребностью хищных животных, сколько цель этих передвижений— поиски мяса, потребность в еде.

Голод создает беспокойство в звере и это беспокойство будит в нем и без того достаточную бдительность и настороженность дикого животного. Сытость, напротив, усыпляет, умаляет настороженность, создает лень, и зверь от лени делается словно более доверчивым. Таким образом, голод заставляет хищного зверя

- 1) значительно больше передвигаться и покидать нередко на продолжительное время свой район,
- 2) вести даже днем образ жизни, свойственный ночи и
- 3) быть настороженнее.

Другими словами, в подавляющем большинстве случаев голодный зверь дает значительно больше затруднений работе окладчика и препятствует успеху общественных охот. Иногда след подвернувшегося голодного зверя, случайного гостя данного района, выручает— зверя удается обложить, благодаря встрече этого следа поблизости того места, где зверь

решил остановиться на отдыхе; не будь встречи с этим следом, не было бы в тот день и охоты. Но такие случаи не умаляют затруднений вообще, какие представляет голодный зверь работе окладчика, а свидетельствуют лишь о том, что голод заставил зверя шире передвигаться и толкнул его в район, где зверя выслеживают, создав таким образом счастливую случайность. Правда, иногда голод зверя способствует успеху некоторых охот (не общественного характера), производимых в одиночку или вдвоем; к числу таких охот следует отнести

1) охоту с подхода к мышкующей лисице;

2) охоту на лисиц с манком и

3) охоту на волков с поросенком.

Перечисленные выше преимущества сытого зверя заставляют окладчика позаботиться о приваде, которая при охоте на волков и лис имеет чрезвычайно большое значение, являясь положительно необходимою мерою подготовки общественных охот. Если принять во внимание, что привада способна сделать голодного зверя сытым, дать ему все преимущества сытого зверя и что благодаря ей происходит сосредоточение и стягивание в определенный район значительного количества зверей и прикрепление других (местных) к своему коренному району, — все преимущества привады станут понятными. Создавая привадою интенсивные условия для своей работы, окладчик удешевляет общественные расходы и поддерживает возможность систематически готовить охоты. В силу этих соображений окладчику надлежит своевременно позаботиться о приваде, на которой подробнее придется еще остановиться в соответствующей главе о подготовке.

Не только сытое или голодное состояние зверя влияет на степень его сторожкости. На поведении зверя отзывается бывалость, возраст, обстановка и среда, в которой он находится, и степень испытанного от опасности испуга. Вытекающая из сторожкости робость зверя служит иногда на пользу охотнику. Так, например, боязнь флагов молодого стреляного у линии флагов волка доходит до такой степени, что такой волк, не решаясь еще по неопытности прорваться на голос загонщиков, никоим образом не отваживается вновь приблизиться к флагам, вид и запах коих вызывают в нем представление о новой засаде; такие экземпляры либо затаиваются; в окладе после неудавшейся попытки выйти из окружения, либо даже вторично выходят на стрелявший номер, если волк не обнаружил самого стрелка. На рис. 5 приведен один из подобных случаев, свидетельствующий о том однородном упорстве, проявленном волком под влиянием гона и воспоминания о флагах.

Окружность изображенного на этом: рисунке оклада равна, примерно, 1 км; оклад представляет собою закраек елового острова, остальная же и основная его часть низина чернолесья с тростником, с трёх сторон обрезная—слева поле, справа широкая поляна, стрелковая линия под мелким и редким кустарником. Обложен волк в конце дня, гон начался в сумерки и, благодаря очень крепкому месту, позволявшему волку таиться, продолжался еще, когда уже стемнело. Волк вышел в темноте, еле было видно, что это не человек, а четвероногое животное; вышел он на поляну близ мыса оклада, впереди, несколько вправо от стрелка, и остановился шагах в 35. После безрезультатного выстрела, осветившего поляну, волк бросился назад к окладу и по опушке вновь вышел слева, шагах в 25 от номера.

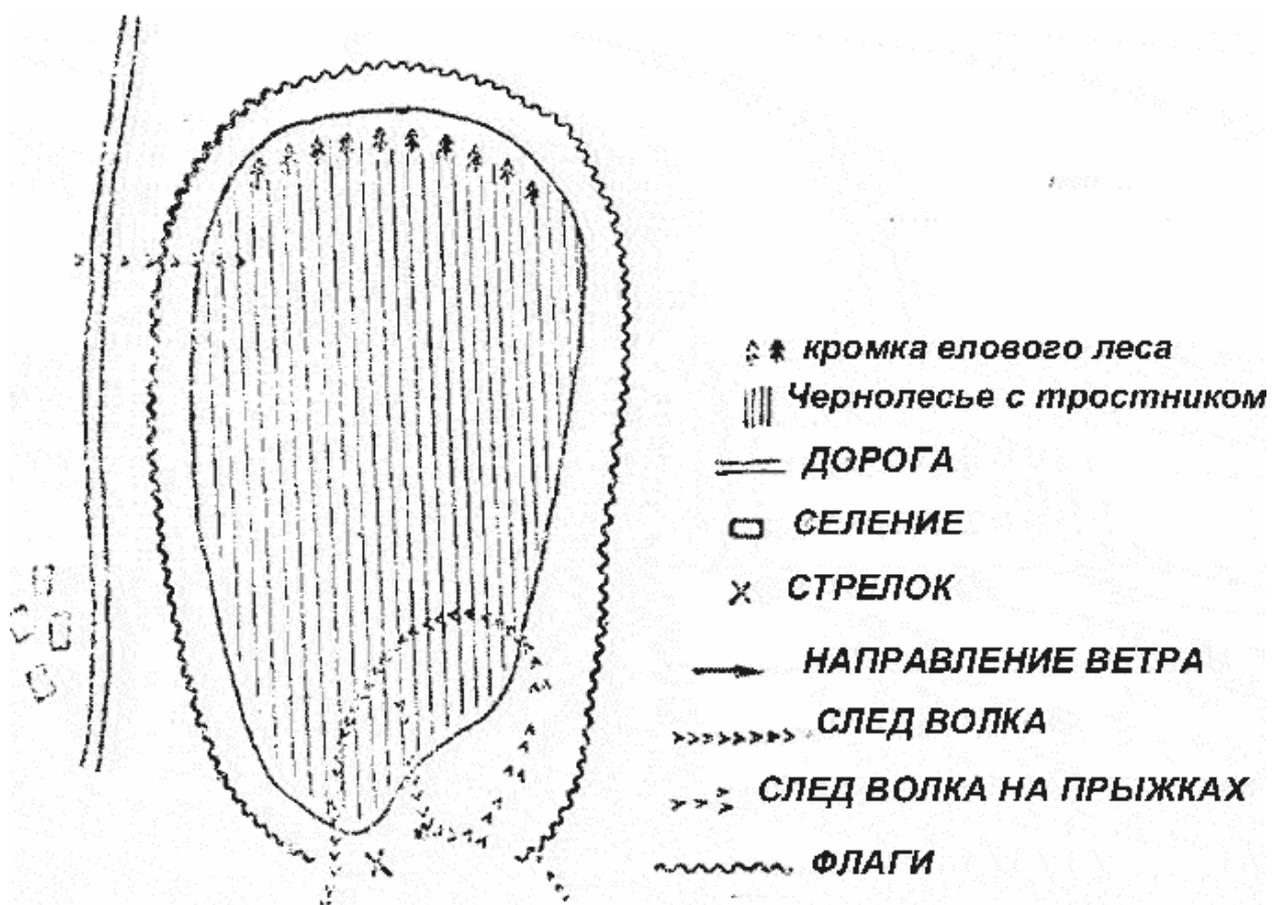

Рис. 5

Нагоненный, да вдобавок немолодой, зверь представляет обычно значительно больше хлопот и трудов по выслеживанию, складыванию и гону его. Такой зверь часто прибегает к неожиданным и порою трудно предупреждаемым уловкам. Он быстро замечает, что его выслеживают (особенно если он пересек свежий след окладчика) и, настораживаясь, остается на ходу; он нередко избегает лесных площадей, предпочитая шататься днем по более или менее открытым местам, охраняя себя не только слухом и чутьем, но и зрением; в окладе такой зверь часто прорывается через линию флагов, уносясь карьером из предательского окружения; другие идут прямо на крик загонщиков, предпочитая (и совершенно основательно) опасность явную, которую можно обойти, опасности тайной, молчаливой, в виде засады в той стороне, куда его хотят заставить пойти. Ходом такого зверя еще труднее управлять при попутном для него ветре. (О значении ветра подробно указано в главе «Оклад»).

Зверя, имеющего обыкновение итти на крик (а это узнается, конечно, после уже состоявшейся неудачной охоты), следует перехитрить—гнать его без малейшего крика, ровно и медленно подвигаясь на стрелковую линию. Правда, иногда и такого маневра оказывается недостаточно, и, затянув флагами ту стрелковую линию, которая была бы таковой при нормальном гоне, приходится ставить стрелков на линии загонщиков, пренебрегая в таких случаях соображениями хода, лаза и даже ветра, так как при описываемой индивидуальности зверя ходом и лазом будет полоса между кричащими загонщиками, а ветер не играет в этом единственном примере значения по той причине, что чутье, слух, а часто и зрение волка уже осведомлены о том, что тут люди; миновав же

загонщиков, зверь уже не вернется обратно в оклад. Таким образом, гон начинается от стрелков и удаляется от них в противоположную сторону, как это показано на рис. 6.

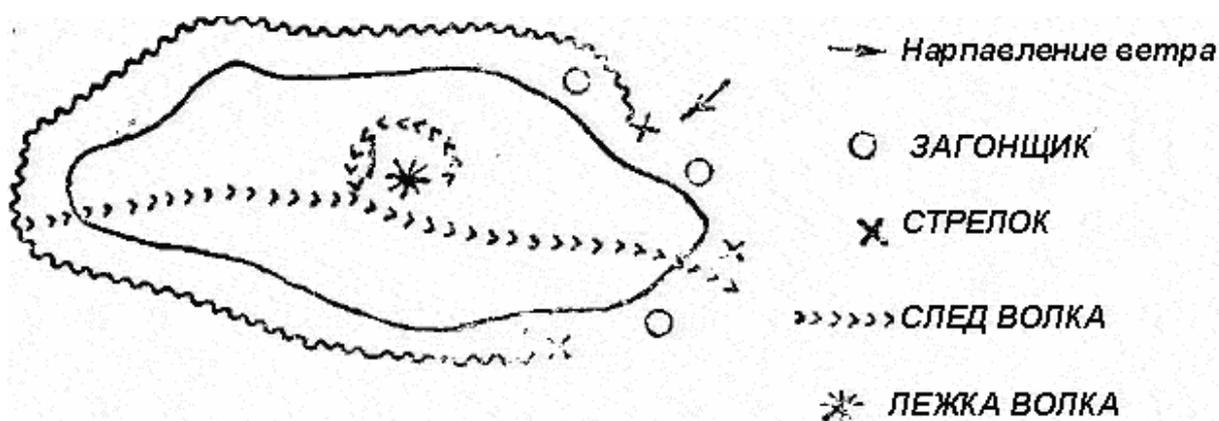

Рис. 6

При всяком окладе надо сообразоваться с местонахождением загонщиков по ясному звуку их голоса; при бесшумном же (без крика) гоне надо быть особенно осторожным! и лучше бить зверя, перепустив за линию или напустив зверя на самую близкую дистанцию; о необходимом соблюдении стрелками особой осторожности в таких случаях окладчик должен предупредить стрелков.

Зверь нагоненный требует, следовательно, от окладчика особой вдумчивости, начиная от выслеживания, оклада, проведения линии флагов, правильного выбора как стрелковой линии, так иногда и особенного индивидуального лаза; относительно гона необходимо соблюдать тоже особую предосторожность, указанную в соответствующей главе.

Часто бывалость зверя вызывает необходимость увеличения нормального размера оклада и потребность в большем количестве загонщиков, чем обычные 3 человека при охоте с флагами, причем бывают условия, требующие помощи молчан или занавесей, несмотря на окружение флагами. Применительно к повадкам зверя выгоднее бывает иногда занимать номера с большими интервалами на более вероятных лазах, соответствующих индивидуальности зверя.

У бывалого зверя имеются свои повадки, свои особенности, к которым он прибегает из чувства самосохранения, так, напр., некоторые стараются выбиться напрямик на чисть и боятся переходов с заслонами; другие напротив ищут чащи и передвигаются по плотным зарослям, словно рябчик, избегая открытого места. Эти особенности окладчику надо примечать, отличая такого зверя по следу, чтобы знать в будущем, как с ним поступать.

Испуганный преследованием (охотой) в лесу и вышедший на поля зверь (волк, лиса) иногда долгое время боится возвращаться в лес и при неуверенности в безопасности избегает даже на полях незначительных зарослей. Такие явления встречаются, когда зверь напоролся в лесу на невидимого стрелка, промахнувшегося или легко ранившего зверя. Встречаются и обратные случаи: стреляный на поле зверь ищет спасения в лесу, избегая даже незначительных полей.

Переупрямить бывалого зверя никогда не удастся, его можно только перехитрить, всячески п о д н о р а в л и в а я с ь под его повадку. Поле служит и волку и лисе одним из

охотничьих их угодий; оно служит в описанных только что случаях местом пребывания напуганного или раненого в лесу зверя; в конце же зимы, когда солнце начинает заметно пригревать, поле часто манил волка и лисицу прилечь где-нибудь у сугроба, пня, камня, кустика или изгороди и, смотря далеко кругом, дремать, греясь на солнце, пока назойливые птицы не заставят их удалиться в защитное место. Мне случалось иметь дело с бывальыми зверями, в том числе с волками и лисицами. Приведу несколько случаев. Одна лиса, очевидно, осознательно напуганная в лесу, жила исключительно в полях, выбирая для переходов самые чистые места. Эта лисица была настолько строга, что ее трудно было обехать по дорогам даже большим кругом.

Заметив однажды направление ее свежего следа в одно поле, я с одним помощником быстро поехал на подводе по дороге и в заранее намеченном, совершенно чистом месте свалился в белом балахоне за камень, а другой помощник заезжал круг с другой стороны; величина круга образовалась около 3, 5 км. Не успела моя подвода доехать до фланговой дороги, как я увидел мчащуюся на всех парах крупную красную лисицу с особым выражением тревоги и нервности, какие замечаются у бывалых зверей при понятой опасности'; хотя лисица и озиралась по сторонам, сбавляя ход, но я не решался поднять ружье, пока она не поровняется со мною (шла она почти на штык) и, опасаясь, что она заметит блеск стволов в этот солнечный день, держал ружье в напряженной позе за камнем, все время поглядывая на стволы из боязни поддеть в них снегу. Лисица ничего не заподозрила в том сугробе, который я изображал собою у большого камня и, когда поровнялась со мною, она поплатилась мгновенно жизнью. Однажды был обложен отбившийся от выводка весьма бывалый переярок, известный мне уже по прежним охотам своею привычкою итти с лежки прямиком на крик. Я вменил в обязанность всем трем загонщикам подвигаться не только без крика, но, стараясь даже не шуршать лыжами и соблюдая по возможности полную бесшумность, итти на стрелковую линию мерными шагами, чтобы этим единственным средством поддерживать равнение. Стоять на номере при таком гоне чрезвычайно тяжело: совершенно не зная ни о начале гона, ни о стадии передвижения загонщиков, положительно теряешь представление о времени, при необычайном напряжении внимания. Ведь как никак, а опытный охотник, стоя на номере,, начинает чувствовать по приближению крика загонщика, по месторасположению их о назревшем моменте выхода зверя, а тут—ничего.

Волк выкатил в безмолвной тишине, выкатил красавцем, высоко держа голову, с высунутым языком, не стелящимися бросками, а подпрыгивая кверху, как собака в высокой траве; очевидно, он этими бросками достигал возможности видеть дальше впереди себя над мелким подсадом; вид у него был весьма нервный и до крайности настороженный; стрелять его, когда он шел еще впереди, несколько правее номера по окладу, я не решился, —кто знает, может быть где-нибудь недалеко стоял притаившийся загонщик, и поэтому, выпустив зверя на линию, я ударил его по спине в тот момент, когда он повернул по маленькому просеку, удаляясь вдоль линии флагов.

Мне пришлось еще иметь дело с весьма интересным крупным матерым волком, который значительную часть ночи употреблял на отдых, а днем скитался по полям. Много дней и, к большому моему огорчению, безрезультатно, я употребил на его преследование. Сначала я недоумевал, что это за странный экземпляр, который, посещая приваду, оставался неподалеку в лесу на лежке, но только до рассвета, а затем выходил на поля, избегая леса. Много раз я видел его на поле и однажды, совершенно не ожидая и будучи неподготовленным к встрече, столкнулся с ним из-за прикрытия на расстоянии близкого выстрела, несмотря на скрип полозьев. Его испуг от неожиданности встречи и прочие наблюдения навели меня на мысль заподозрить в нем потерю слуха. Предположение это нашло значительное подкрепление в том, что волк, при попытках нагнать его на поле на

один из переходов, чрезвычайно зорко замечал малейшее движение загонщика; издали видимого, даже в виде точки, и несколько раз он шел на крик, ясно слышимый человеку в том случае, когда этот кричавший загонщик с самого начала гона находился за прикрытием, а этого волк на открытых местах никогда себе не позволяет.

Но и этого волка удалось бы перехитрить, пользуясь загонщиками, размещенными за прикрытием; беда в том, что волк этот пользовался постоянно новыми переходами и совсем нехотел избегать своего прежнего' следа, а единственного стрелкового номера в моем лице было недостаточно; будь у меня при себе нарезное оружие, я убил бы этого интересного волка, не раз проходившего от меня в расстоянии, немного превышающем 150 шагов.

Нет сомнения, что характер местности оказывает влияние на поведение животных, предоставляя им большую или меньшую безопасность и возможность уверенно передвигаться, охотиться, таиться и спокойно отдыхать.

Место крепкое, редколесье и поле представляют собою различные условия, и тот или другой выбор зверем места делается в соответствии с определенной целью. Зверь нормально предпочитает для отдыха прежде всего обстановку, подобную той, в которой он вывелся. Спокойствие его меньше нарушается, когда налицо средства, дающие ему возможность остаться незамеченным, т. е. когда имеются заслоны или предметы, подходящие по окрасу к цвету шерсти зверя; равнинные открытые места, лишенные растительности и выдающихся предметов, предоставляют зверю меньше удобств, чем местность, пересеченная или с кустарником, россыпью камней, выдающимися из-под снега гребнями пластов пашни, кочек, пучков травы и т. п. Удобные (хотя и безлесные) места, представляющие, нужную обстановку для зверя, должны при выслеживании заставлять окладчика предполагать возможность остановки зверя; в подобном месте.

Большинство зверей очень умело пользуются проталинами, или теми местами, с которых до земли сдуло снег ветром; даже заяц прекрасно умеет использовать подобные места, делающие незаметными переходы зверя. Волки охотно пользуются дорогами и вблизи от них часто ложатся, не боясь передвижения людей, по дорогам. Зверь с меньшей боязнью относится к человеку при передвижении его на лошади.

У зверя имеются излюбленные места, которые избираются им соответственно потребностям и повадкам. Хвойный лес, особенно еловый, дает хорошее убежище от непогоды и лучше других пород заслоняет (скрывает) зверя от врагов и птиц (ворона, сороки и вороны), которые назойливо беспокоят волка и лису, и других хищников.

Подготовка

Систематические зверовые охоты в определенном районе немыслимы без подготовки. Подготовкою в широком смысле являются все действия окладчика, облегчающие, ускоряющие готовность к успешному проведению охоты. Подготовкою охоты будет и выслеживание с целью обложить зверя, и самое складывание. Последние два этапа подготовки, не носящие характера заблаговременное, а являющиеся ступенями, предшествующими самой охоте, выделены в отдельные главы; выделить их приходится и по особому их значению и по самостоятельности этих действий.

Подготовка складывается из многих действий, наблюдений и собирания сведений. Полная подготовка, создающая условия готовности к охоте, требует времени, она должна созреть. Окладчику полезно поэтому с осени попасть в район, где зимою будет протекать его работа, ознакомиться с приблизительным количеством зверей, поразузнать, порасспросить, походить, поездить и получить необходимые впечатления, характеризующие местность.

Обложить сытого, не напуганного зверя, взять след с привады может окладчик, и не знающий хорошо местности, но выследить и обложить голодного, бывалого зверя в зимний короткий день удастся редко, если окладчик незнаком с местностью, не знает коренного жительство зверя, мест, где он чаще всего держится, не обследовав предварительно широкими объездами излюбленных переходов.

При незнакомстве с величиной и качеством лесных площадей, с расположением островов, селений, полей, дорог— нечего и мечтать о возможности обложить зверя на ходу в лесу или захватить зверя в поле и, разместив стрелков на дальних, иногда за несколько километров, переходах, увенчать день, мастерски применив псковский способ.

Подготовкою приобретается весьма важное знакомство с ходами зверя, с направлением, куда он намерен идти, и с точным местом перехода—с лазами. При подготовке получается осведомленность о количестве, группировке и индивидуальности зверей, проживающих в данном районе. Как ни одинаковы звери одной породы по характеру и по внешнему виду, тем не менее все же каждый имеет некоторые особенности во внешности и в психике, а особенности в поведении зверя имеют громадное значение для того или иного приема в работе окладчика. Одного зверя следует гнать на чисть, другого—в чашу; одного нужно стронуть шорохом, молча, другого гнать шумно; одного опасно допустить на линию флангов, другого можно подвигать к стрелкам всякими мерами, для иного необходимо выбрать соответствующий индивидуальности данного экземпляра особый лаз.

Ознакомление с расположением селений должно обязательно вести к знакомству и с населением, особенно с местными охотниками и с лицами, дающими верные сведения, интересующимися, сочувствующими, энергичными и способными, которые могут быть полезными осведомителями, загонщиками или помощниками окладчика.

Не лишнее упомянуть о желательности некоторых условий, облегчающих работу окладчика. После ознакомления с местностью и в результате выяснившегося достаточного количества зверей, окладчик должен приискать себе в центре своей деятельности удобные квартирные условия, обеспечивающие отдых, тепло и надлежащую горячую пищу. Следует своевременно позаботиться о теплой одежде, лыжах, записной книжке и карте данной местности. Ко времени выпадения снега нужно присмотреть и нанять постоянного подводчика, обращая внимание как на его способности к оказанию помощи в подготовке и проведении охоты, так и на выносливость и покладистость лошади, а также на легкость и удобство саней—розвальней.

Одною из важных обязанностей подготовки является забота о приваде, когда предметом охоты являются волки и лисицы. Как приближаются к человеческому жилью сороки на зимние квартиры, так же и по тем же причинам волки приближают свои рекогносцировочные пути к селениям. Характеризующие волка положения—«волка ноги кормят», «без мяса волк не живет» и та разница в поведении сытого и голодного зверя, описанная в предыдущей главе, совершенно ясно определяют значение привады для успеха работы окладчика.

Приваду желательно вывозить по чернотропу. Волки трогаются с гнезда в сентябре, а в октябре уже широко передвигаются; выгоднее поэтому поспешить прикрепить их к известному району, не запаздывая; кроме того, к приваде по черной тропе волк относится доверчивее.

По этим соображениям приваду следует класть, как только начнутся легкие заморозки по ночам. Время это совпадает обычно с началом охоты за тетеревами с чучелами. Место для привады выбирают открытое, уединенное, но вместе с тем не далеко от селений (1—2 км) и вблизи дорог, служащих соединением селений. Несколько одиночных, высоких (лучше не хвойных) деревьев для подсадки кормящихся на приваде птиц полезны. При выборе места надо сообразоваться с удобством объезда привады; лучше всего, когда наличие дорог позволяет объехать ее кругом километра в I, 5—2; если такого окружения дорогами нет, то важно все же, чтобы была хоть одна дорога, другую можно проложить и поддерживать ежедневными объездами по снегу или в крайнем случае делать с одной стороны обход пешком на расстоянии не ближе приблизительно 0, 25 км, но непременно одною тропою или лыжею. Приваду надо класть на расстоянии шагов 400—500 от дороги, иначе получится много волчьих и лисьих следов (пе-тель) с дороги на приваду и с привады на дорогу, что осложнит выслеживание; кроме того близкое расположение привады у дороги привлекает слишком много собак, которые заминают следы зверя, тропами осложняют выправление следа и уничтожают значительное количество мяса.

На приваду употребляют туши крупных домашних животных; туши вывозят и сваливают, избегая давать лишние пешеходные следы. Привада не должна иметь специфического запаха какого-нибудь помещения или посторонних веществ; случается, что для привады приобретают околешнее животное после продолжительного лечения и мясо приобретает запах пахучего лекарства; как ни прожорливы волки, они тем не менее опасаются мяса с чуждым запахом.

К приваде не годится подходить; след человека вообще не служит спокойствию зверя, а у привады тем более.

Следя за привадою, окладчик видит издали по остову, — своевременно ли подкладывает свежую тушу; хорошо и заблаговременно показывает эту надобность птица (ворон, сорока и ворона). Как только птица перестает оживленно посещать приваду, так, следовательно, мясные запасы к концу, но, конечно, для волков запас костей имеется еще достаточный. Чрезвычайно полезно, когда волки привадились и день охоты намечен, — вывезти свежую тушу, чтобы звери вдоволь наелись. Волки посещают приваду несколько дней подряд или через день, делая затем перерыв на 1—5 дней. Другие волки, Проходя от привады в расстоянии, на котором они не могут не обнаружить ее, относятся к ней как будто с пренебрежением или опасением.

Подготовка, сделанная окладчиком по черной тропе, позволяет ему, благодаря знакомству с местностью, заняться тотчас по выпадении снега установлением количества зверей, посещающих приваду, их группировки, пола и возраста, мест дневок и точных переходов.

Окладчику важно выяснить, нет ли где другой привады, которая привлекает и отвлекает волков, и чем вообще промышляют волки, не трогающие привады. Таким обследованием окладчику удастся иногда получить весьма ценные сведения. Нередко некоторые волки, среди которых имеются весьма опытные и осторожные, не трогают привады, а питаются костями, оставшимися от летних разбоев, промышляют иногда! мелкой падалью, выкинутою около деревень, а главным образом охотятся за собаками и отчасти за зайцами. Вывоз привады к месту, где имеются с лета кости, посещаемые волками,

оказывается другой раз действительным средством—волки ма-ло-по-малу приваживаются к вывезенной туше.

Обследование окладчика нередко выясняет посещения волками падали, находящейся километрах в 15 от привады. Такие открытия помогают разыскать волков тогда, когда следов их нигде в ближайшем районе не видно, —будто волки кем-то уничтожены. Не зная, о таких уголках, привлекающих волка, разыскать зверя мудрено, тем более, что коренной волчий район может быть определен окружностью, диаметр коей приблизительно равен 35 километрам.

Таким образом (не исключая возможности удаления волков и за пределы этого района), обнаружить след ушедших куда-то, да еще под метель, волков; —не так просто; ведь можно проехать поперек района 2 раза, туда и обратно разными путями, т. е. сделать 70 км, и не обнаружить следа; между тем волки оказываются в пределах этого района!, как это видно на рис. 7.

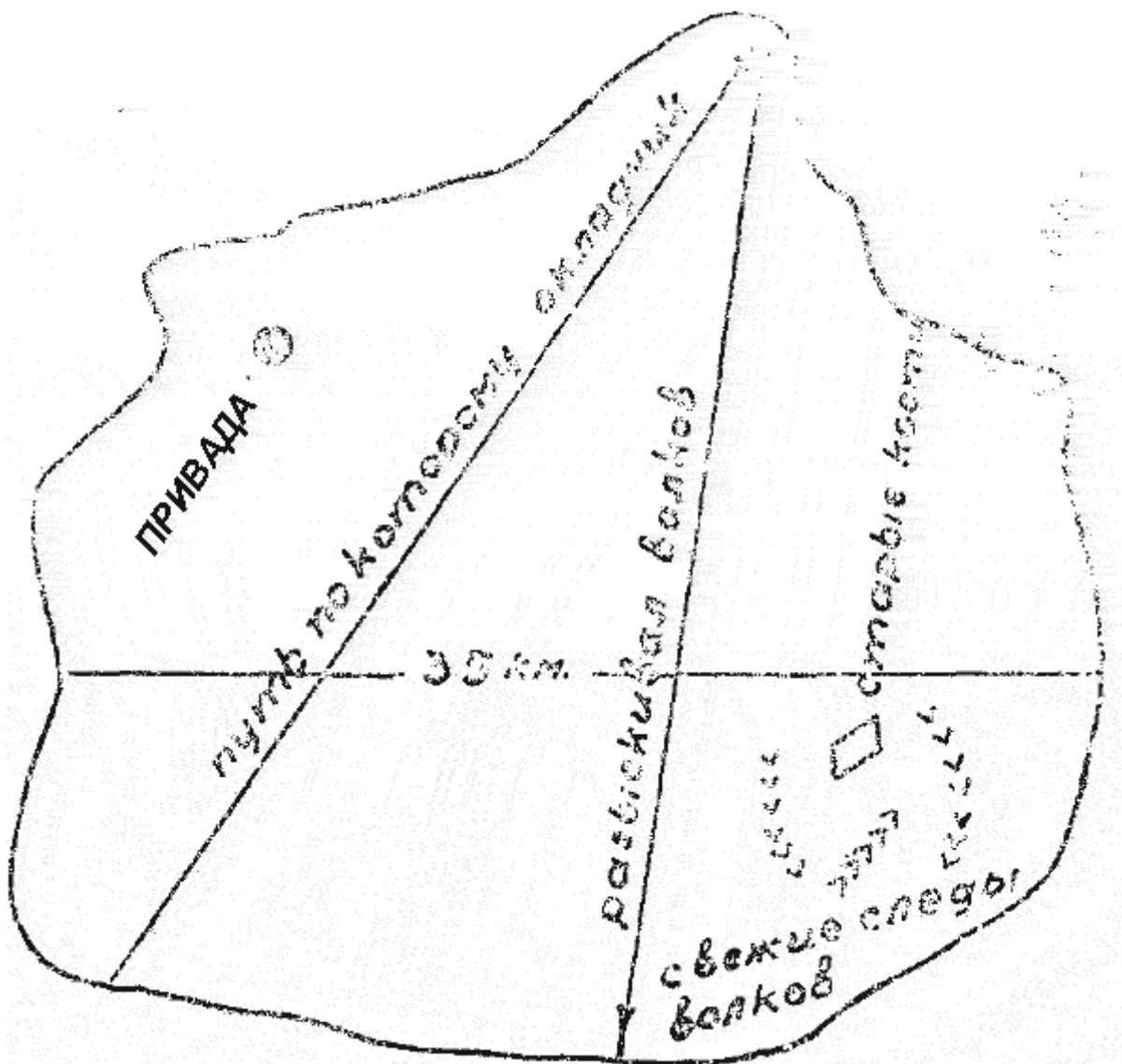

Рис. 1

Непосещение привады лисицею представляет меньше хлопот окладчику, чем непосещение волками. Площадь коренного района лисицы значительно меньше и для обнаружения нахождения ее требуется сравнительно и меньше времени. Питаясь мышами, зайцами и птицами, лисица реже голодает, чем волк, и чаще обходится без привады, имея в своих кладовых где половинку, где треть зайца. В местности, где волков много, и они почти ежедневно посещают приваду, лисица не приходит на приваду, однако при голоде и холоде посещает ее, но лишь на рассвете, когда волки отсутствуют.

В сильный мороз, когда значительная часть пищи затрачивается на согревание, потребность в еде увеличивается, зверь ходит шире, и там, где есть привада, он не забывает ее навестить, если случайно не подвернется лучшая живая добыча. Волки бывалые, имеющие неприятное воспоминание о приваде (капканы, отравление, подкарауливание у ладали), не подходят к ней; находящиеся при таких бывалых волках молодые или не столь опытные вообще следует поведению бывалых, старших. Инстинкт самосохранения настолько силен, что даже голод не в состоянии пересилить его и заставить соблазниться. Окладчику, следовательно, надо иметь в виду, что некоторые волки вовсе не подходят к приваде, другие, избегая одну, пользуются другою, заслужившею их доверие по невидимым признакам и неизвестным причинам, которые иногда удается все же распознать. При ясно показанном волками пренебрежительном отношении к данной приваде, следует вывезти другую, выбрав новое место вблизи их частых переходов.

Случается, что часть переярок и прибылых разбивается на короткое, а иногда и на продолжительное время, бывает это после охоты на них, также при попадании одного из волков в капкан и в период течки; такие явления случаются и в том случае, когда волчица, мать прибылых и переярок, погибает, а старик, оставаясь при семье, своим характером самца не может поддержать тот распорядок, который среди молодежи поддерживался авторитетом матери; волки чаще грызутся, отсутствие равноправной и равнозначущей старику силы обездоливает молодых при дележе добычи, нарушается и строй при передвижениях и при охотничьих волчьих приемах. Нет старухи, которая по волчьей природе обычно возглавляла шествие, а к ее поведению приспособлялась и следующая за нею колонна; матерей начинает дружественно относиться к одной из волчиц переярок, которая почувствовав его опору, весьма враждебно настроена к остальным и, конечно, держит в страхе молодых; это обстоятельство мало-помалу заставляет переярок и молодых перегруппироваться, — один прибылой ходит в каре с (одним переярком, другой—с другим, третий, самый мелкий, остается при старике с молодою волчицею исключительно вследствие того, что отношения к ней волчицы были недурными и при матери. Изредка эти группы сходятся для того, чтобы через несколько дней разойтись.

Такие явления очень интересны вообще и важны для окладчика по многим соображениям; прежде всего это выгодно, так как встреча свежего следа пои нескольких группах, принимающих разнообразные направления и удаления и сталкивающихся нередко на общих переходах, — имеет значительно больше шансов; затем перегруппировка в большинстве случаев ценна в смысле добычливости и применения сообразно качеству группировки того или иного приема окладчика, как при выборе стрелковой линии, так и при гоне; кроме того, молодежь соблазняется привадою скорее, между тем как до разбивки, благодаря влиянию стариков, волки ее избегали; когда же на приваду как-будто безнаказанно повадятся молодые, подходят к ней и бывалые.

Такою перегруппировкою окладчику следует пользоваться всемерно, узнав о ней своевременно, чтобы тщетно' не искать прежнего целого выводка и не сделать ошибки в учете.

Выслеживание

Выслеживание является важным ответственным действием, сливающимся с складыванием.

Выслеживание имеет в виду: 1) определение свежести следа, 2) выправление следа, 3) выяснение количества выслеживаемых зверей и, в частности, прошедших одним следом, 4) счет входов и выходов зверя, необходимый не только при складывании, но и при выслеживании, для определения стороны, в которой остался зверь и 5) качественную оценку следа. Определение свежести следа является первейшею и основною заботою, так как при ошибке, обнаруженной не вскоре, все последующие действия выслеживания оказываются напрасными, вся работа рушится и о предполагавшейся назначенной охоте думать уже не приходится. Определение свежести следа дается, как и все знания окладчика, практикою; в отношении определения свежести следа можно, кроме того, сказать, что искусство это довольно тонкое, причем бесперебойное занятие, позволяющее зрению не отвекать от сравнения того или иного вида снегового покрова, и сделанных в нем следов! разрывов, —значительно уточняет работу, способствуя зрительному впечатлению, коим преимущественно определяется свежесть следа.

Обсуждение с более опытным следопытом тех или иных признаков свежести следа весьма полезно; ознакомление с систематическим изложением в литературе тех или других признаков свежести следа и причин, на нее влияющих, конечно, помогает делу; по этим основаниям следует рекомендовать обратиться и к имеющейся по этому вопросу специальной брошюре издания Всекохотсоюза «Как определить свежесть следа» Н. А. Зворыкина, являющейся, правда лишь опытом практического руководства; кроме того, по отраслям знаниям окладчика вообще полезны следующие книги издания Всекохотсоюза: С. А. Бутурлин «Настольная книга охотника», изд. 1930 г. (выслеживание, стр. 257), «Медведь и медвежья охота» А. А. Ширинского-Шихматова, «Охота на волков» Н. А. Зворыкина, «Охота на лисиц», его же.

Когда налицо пороша, говорить об определении свежести следа не приходится, но так как окладчик приглашается на службу не только для охот исключительно по порошам, то умнее обходиться часто и без порош составляет необходимый предмет знания окладчика. Таким образом, определение свежести следа касается дней, когда пороша отсутствует, а такие-то дни чаще и встречаются. Окладчик при определении свежести следа руководствуется двумя признаками: внешностью следа и крепостью его (степенью затвердения).

На внешность следа влияет та или иная форма и величина выпадающих снежинок, глубина снежного покрова, количество времени, истекшего с момента проложения зверем следа, степень мороза или тепла, характер ветра и влажность воздуха. Кроме этих объективных причин на вид следа большее влияние имеет освещение.

Наиболее важные для окладчика изменения во внешности и крепости следа вносят: снегопад, ветер, мороз и оттепель. Некоторые из этих факторов часто способствуют определению свежести следа, заменяя отчасти недостающую порошу. Так, напр.,

наступившая с ночи и длящаяся на следующий день оттепель позволяет без труда отличить проложение зверем следа уже по оттепели, а не до нее. След в оттепель четок—сухие, как при морозе, песчинки снега слиплись, соединились во влажную массу, которая воспроизводит отпечаток, как на влажной, жирной земле, с большей или меньшей синевой—водянистостью, в зависимости от степени оттепели.

Наступивший в ночь на следующие сутки переход с оттепели на мороз помогает вновь различать утром среди следов разного времени—свежие, так как снег стал от мороза; сухим, ноздреватым, зернистым или в зависимости от степени мороза может образоваться затверждение в виде тоненькой пленки, корочки или настоящего наста—твердого, крепкого, как пол; если наст держит зверя без малейшего пролома или трещин, то подобное затверждение не дает возможности заняться выслеживанием. Пленка или корка дают больший или меньший пролом снежного покрова от тяжести зверя и ясное доказательство прохождения его по морозу, сменившему ночью оттепель, т. е. свидетельствует о свежести следа так же, как и прохождение зверя по снегу, ставшему только сухим, зернисто-рассыпчатым на морозе после оттепели.

Морозное время, а тем более сильные рядовые стужи неблагоприятны для определения свежести следа; правда, след при порядочном морозе стынет быстро и через 2—4 часа после проложения следа боковые стенки его, обнаженные разрывом следа из-под толщи снега, и подошва следа заметно подстывают; совершенно свежий след можно отличить от значительно более раннего без затруднений осязанием, но различить ночной след от вечернего или дневного, сделанного накануне, не всегда удастся, тем более, что на степень затверждения влияет защитность местности и плотность обнаженной следом толщи снега; а эти последние условия учесть трудно.

Снегопад (не пороша) имеет отрицательное в большинстве случаев влияние на определение свежести следа; иногда, однако, благодаря выпадающему снегу, отличаешь свежий след зверя, находящегося на ходу, т. е. след, проложенный во время снегопада. Снег, прекратившийся к рассвету и снова пошедший утром, не служит еще полным препятствием выслеживанию; если ямки следа видимы, свежесть их отличается от старых ямок следа более воздушным сцеплением выпадающих снежинок с более острым, не осевшим закрайком следа, благодаря чему у следа нередко остаются скважинки; старый же след заполняется наглухо, как стакан песком.

Ветер, создающий заносы, является, конечно, в большинстве случаев явлением отрицательным для выслеживания. Ветер вообще, а метель в особенности, прекратившиеся к рассвету, могут, однако, создать своего рода порошу, главным образом, на открытых местах, а иногда и в лесу.

Влияние заносов на следы и влияние разных преград на заносы—удивительно. Случается, что след зверя, перешедший поперек дороги, виден, с одной стороны, совершенно явственно, а с другой лишь при большом напряжении внимания или вовсе невидим; такую разницу создало ребро дороги, заслонив собою сохранившийся след. Такие же превращения замечаются у кустов, деревьев, изгородей и т. д. Чтобы судить о превращениях, какие делает погода со следами, окладчику полезно около своего местожительства делать черточки и знаки на снегу, проверяя их утром.

Под выправлением следа подразумевается отбор окладчиком того следа, который, не являясь петлею, имеет определенное направление, по которому зверь отошел от места, где наделал петли, тычки, ходы взад и вперед, либо круговые обходы.

Густое сосредоточение в одном месте следов часто встречается: в местах кормежки вообще, у найденной хищными зверями добычи, на месте, где зверь зачуял добычу или пропускает ночью проезжих или прохожих, отходя от опасности и вновь, по миновании ее, принимая прежнее направление, также во время охоты зверя, особенно у лисиц, и в случаях, когда отбившийся зверь отыскивает или поджидает затерявшегося сотоварища, равно как и во время течки и в других случаях.

Выправлением следа достигается определение стороны, куда ушел зверь и куда окладчику, следовательно, нужно спешить для дальнейшего выслеживания.

Нужно твердо соблюдать, как правило, не копаться на петлях, тычках, а шире окинуть круг по нетронутой следами целине, чтобы пересечь след, служащий руководящей нитью— выходом из группы следов, из сплетения их (см. рис. 8 и 9).

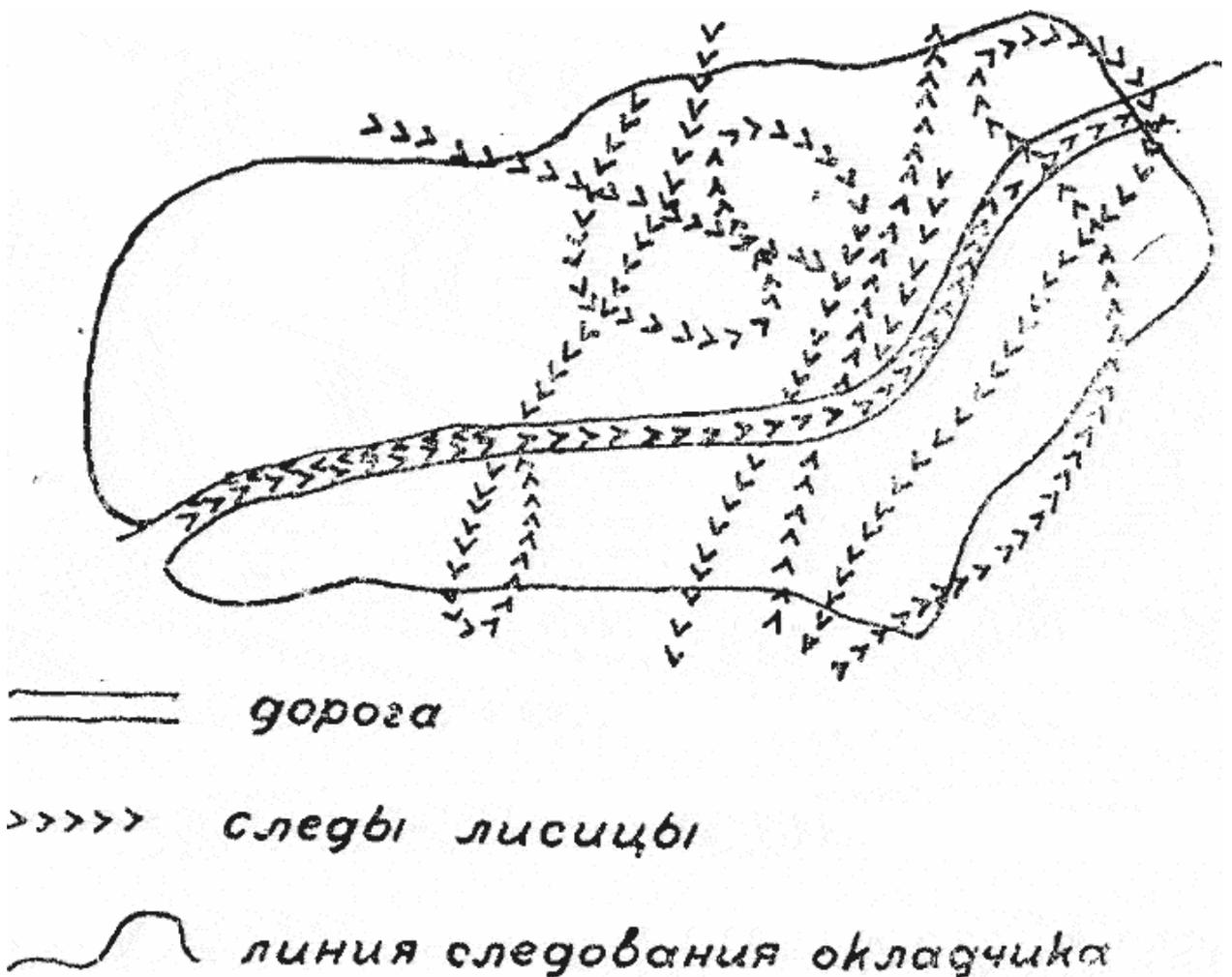

Рис. 8

При выправлении следа нужно различать сосредоточение следов нескольких зверей или одного экземпляра, разбираясь в принадлежности следов зверям, проживающим в одной группе совместно, или к нескольким группам, живущим каждая порознь; это

обстоятельство немаловажно по многим основаниям, из коих самым существенным является то, что одни следы могут принадлежать сытому зверю—с привады, другие же—голодному.

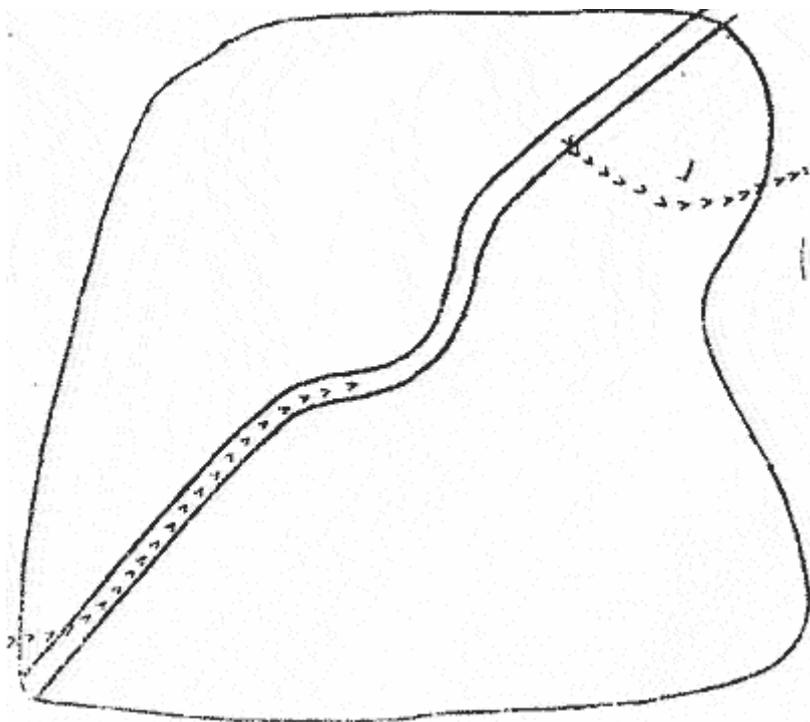

Рис. 9

Для того, чтобы определить направление следа, нужно не только распутать сплетения следов, развязать, так сказать, узел, но и знать, куда след смотрит, т. е. определить, где носок следа—пальцы, а где пятка. Если бы дело выслеживания всегда происходило в порошу или вообще при четко видимом следе, с его ясными отпечатками когтей, мякишей пальцев и пятки, то об этом не стоило бы говорить; но иногда, когда снег несет низом или при рядовой очень морозной погоде, когда снег, потеряв влажность, становится сыпучим, кристаллическим, как хинин, —выправление следа замедляется,

При метели выправлению следа помогает видимая выволока, т. е. тот валик переднего закрайка следа и лоток, получаемые при под'еме лапы из ямки следа для следующего шага;; выволока, следовательно, образуется из небольшого возвышения выволоченного лапою снега или затверделых снеговых обломков (корок) или крошек, а продолжением выволоки является черта на поверхности снега (между ямками следа), прекращаемая под'емом лапы. Выволока поэтому может служить указанием направления следа. Однако, определение направления при сыпучем снеге, как было сказано, затрудняется, так как подошва следа засыпается снегом. Приходится долго приглядываться в таких случаях к ряду следов (ямок) и вести след на порядочное расстояние. Определение направления неясных таких следов удастся иногда сделать по замеченной скважинке в подошве следа, получаемой от под'ема пятки. Иногда же удастся найти ясную поволоку—ту черту, которая иногда сливается с лотком выволоки, образуемой лапою при опускании ее постепенно на следующий шаг. Выволока обычно круче и шире поволоки; поволока отложе и уже.

Выправление следа должно быть сделано четко, ошибка в направлении может наделать немало хлопот.

При выслеживании не годится идти самим следом; во-первых, затапывая след, иногда лишаешь себя возможности сделать проверку свежести, направления следа, пола и возраста зверя, количества прошедших зверей, ранения и др. нужных признаков, а, во-вторых, идя не только самим следом, а рядом, вызываешь подозрение зверя. След окладчика должен идти поодаль от следа зверя. В местности, где зимних дорог достаточно, выгоднее выслеживать на лошади, за! исключением тех действий, которые требуют особого внимания.

Выправление следа по наезженным дорогам, да вдобавок, когда дороги разветвляются или перекрещиваются—дело нелегкое. Не следует доверяться видимому кое-где на дороге следку зверя, —иногда увидишь след по одному направлению, а встречного не заметишь, так как он ускользает от зрения, попадая в нарубленную подковами полосу дороги, или оказывается затертым полозом.

Иногда на дороге удастся обнаружить отпечаток части следа зверя, например, двух пальцев с когтями волчьего следа, а остальная часть и следы оказываются затертыми полозом. Заниматься обследованием полотна натертой дороги долгое время, невыгодно, а нужно продолжать путь до разветвления или перекрестка, строго следя по бокам дороги; волки обычно все же дают о себе знать либо несколькими следами около дороги по целику, куда он свернул, заслышав прохожего, либо зачуйв что-либо интересное; а если в группе волков имеются взматеревшие самцы, то кобели где-нибудь помочатся около кустика, елочки или на свесившуюся к дороге хвойную ветку; те или другие признаки где-нибудь обычно обнаруживаются на протяжении 1-2 км.

Разветвление дорог, когда они сильно наезжены, еще больше осложняет дело, так как на очередь встает вопрос, по какому же направлению ушел зверь. Зная расположение дорог, нужно сообразоваться с вероятнейшим направлением зверя, если к тому есть веские основания, а в случаях, когда разрешение этого вопроса! встречает затруднения, приходится обследовать протяжение дорог до селения, начиная с той, которая короче.

Выслеживая сытого волка, идущего, следовательно, на лежку, обычно неглубоко в лес, много шансов за то, что волк свернет с дороги вскоре.

Волк очень любит с наезженной дороги отправиться на лежку по заброшенной дороге или по одиночному старому следу дровней проехавшего когда-то дроворуба.

Обследование дороги до самого селения без обнаружения волчьего свертка с дороги, когда выслеживаешь сытого волка, служит гарантией, что волк по этой дороге не пошел; когда же дело касается волков голодных, прошедших ночью, то надо тщательно осмотреть, нет ли волчьих прыжков с дороги у начала построек деревни; нередко волки сходят с дороги у угла избы и обходят деревню по загуменьям, бывают случаи, когда голодные волки проходят ночью, и даже при полном свете луны, по улицам деревни, чаще, однако, когда постройки в деревне бывают расположены по одну сторону улицы, так как незастроенная сторона улицы дает возможность волкам скрыться при встрече и неожиданной опасности. Прохождение волков по улице двухсторонней деревни редко производится всею группой или одиночкой; при группе волков один из стариков с переярком, отделяясь от компании, сойдет с дороги перед деревней и обойдет ее по задворкам. Через селения, расположенные на одной стороне дороги, волки проходят иногда под окнами домов и даже поднимаются на ступеньки крыльца.

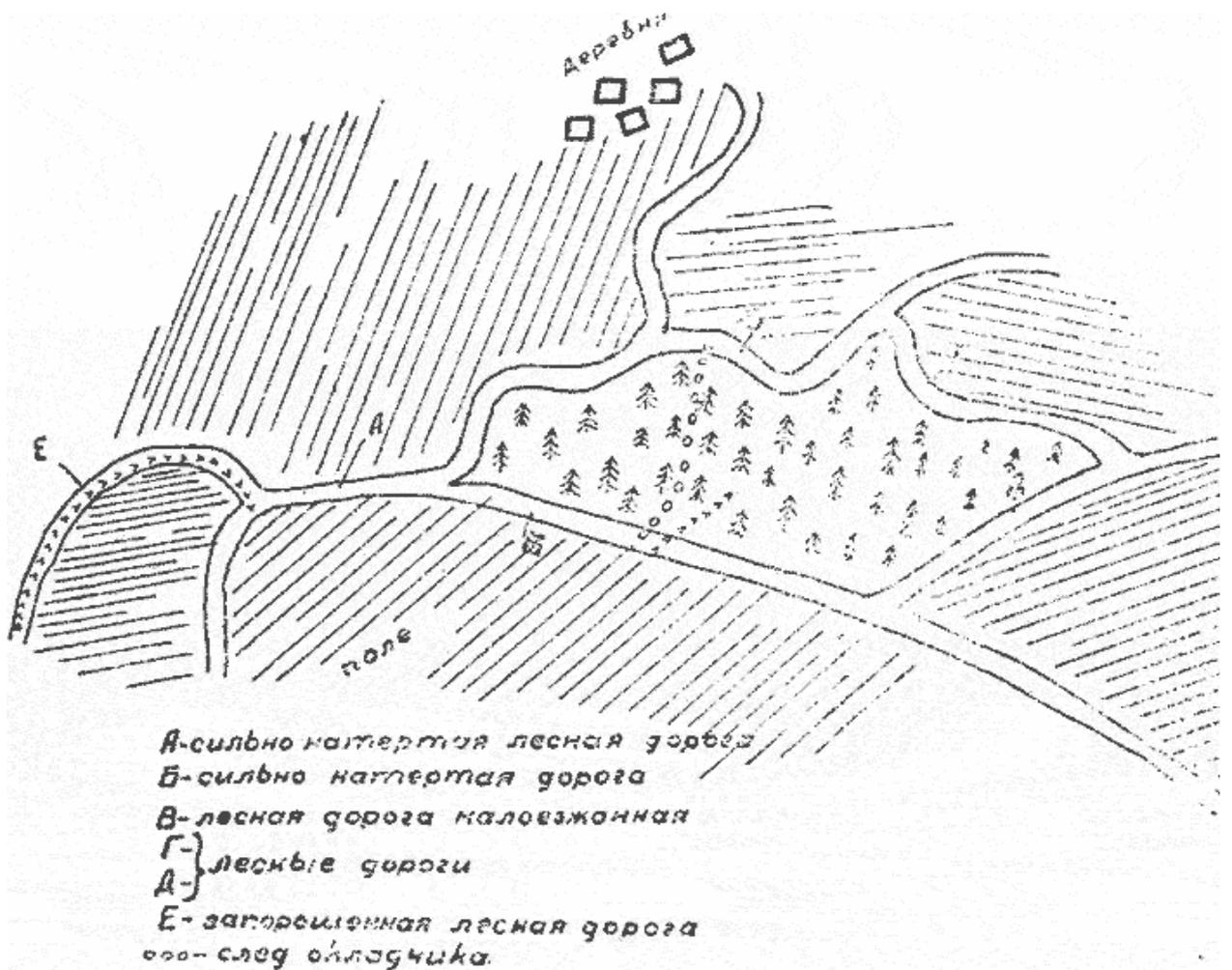

Рис. 10

Из рис. 10 наглядны разумные действия, принятые окладчиком при обследовании невидимых следов волка на дорогах. Волк по запыленной лесной дороге «Е» вышел на сильно наезженную лесную дорогу «А», на которой след стал невидим. Вряд ли имеется основание предполагать, что волк повернул по дороге «Е». Приняв во внимание, что волк обычно не возвращается, как это делает лисица, на пройденные только что места, следует вполне резонно предположить, что он отправился либо по дороге «А», либо по дороге «Б», одинаково наезженным, на которых признаков следов поэтому не видно. Так как по дороге «А» до деревни не более 2,5 км, а по дороге «Б» — около 8 км, выгоднее обследовать дорогу «А», тем более, что в нее вливается малоезжая дорога «В». По обследовании дороги «А» и вливающейся в нее дороги «В» волчьего следа не было обнаружено, и окладчик, вернувшись на дорогу «Б», поехал по ней, а через километр увидел след волка с дороги в еловый остров. Об'ехав на лошади по дорогам «Д», «Г» и «В» до соединения последней с дорогой «А», окладчик встал на лыжи и, отойдя несколько по дороге «В», провел линию по просеке к дороге «Б» и затянул оклад флагами.

Выправляя на лошади след зверя по дорогам, нужно ехать тихо, даже в том случае, когда лес редок и деревья не теснятся к самой дороге. Проглядеть след зверя с дороги очень легко, так как глядеть приходится по обе стороны, а волки и лисицы имеют иногда (обыкновение делать с дороги прыжок — сметок; если такой прыжок попадает под прикрытые мохнатой еловой ветки, куста, пня, муравейника; и др. заслоны, то, сидя в

санях и посматривая то на одну, то на другую сторону, очень много вероятия проглядеть след.

Выслеживание по лесным дорогам лучше производить пешком.

Тропы зверей, встречающиеся на пути окладчика, должны вызвать предположение о влившемся в них следе выслеживаемого зверя, в большинстве случаев это вызывает затрату времени, которого и без осложнений в работе хватает в короткий зимний день в обрез.

Тропы по своим целям являются либо путями сообщения, прокладываемыми зверями, принадлежащему к одному виду, или же тропы могут быть проложены зверями одного вида, а вливающийся в них след может принадлежать другому виду зверей; в последнем случае речь идет главным образом о лисице, пользующейся заячьими тропами преимущественно при охоте за зайцами.

Если приходится иметь дело с волчьими тропами, представляющими собой прежние их пути, на которые с целика вступает свежий волчий след, то особых затруднений тропы не вызывают, за исключением случаев, когда тропы, будучи сильно намяты или застыли после бывшей оттепели, имеют разветвления по разным направлениям, ведущим в разные лесные площади—на прежние места, дневок или к другой цели. Когда след лисицы вливается в заячью тропу, —положение сложнее. По намятым зайцами тропам лисица идет частенько, не только не проламывая уплотненного следа (вследствие незначительной разницы в весе своего тела с заячьим), но и незаметно по причине аккуратного ступания в следки, оставляемые заячьими лапками; при таких обстоятельствах положительно не видно и признаков ее следов. Когда такая тропа проходит через подходящий для дневки лисицы остров, то окладчик совершенно теряет возможность определить сторону, где находится лиса. и из предосторожности, конечно, не решается выслеживать тропы в пределах острова; таким образом, остается совершенно неизвестным—ушла ли лисица назад по тропе, осталась ли она в острове или пошла тропой из леса: приходится все же найти ясные признаки, указывающие местонахождение лисицы или по крайней мере ее следа; это достигается так же, как и при выправлении следа при петлях, широким обходом или же выхаживанием тропя до степени желательного ее разрежения, так как заячьи тропы с одинаково сильным уплотнением редко тянутся более сотни— другой метров.

Кроме определения свежести следа и выправления его остается еще не одно требование, пред'являемое к выслеживанию, а именно: выяснение количества выслеживаемых зверей, счет входов и выходов, пересекающих ход окладчика, и качественная оценка следа.

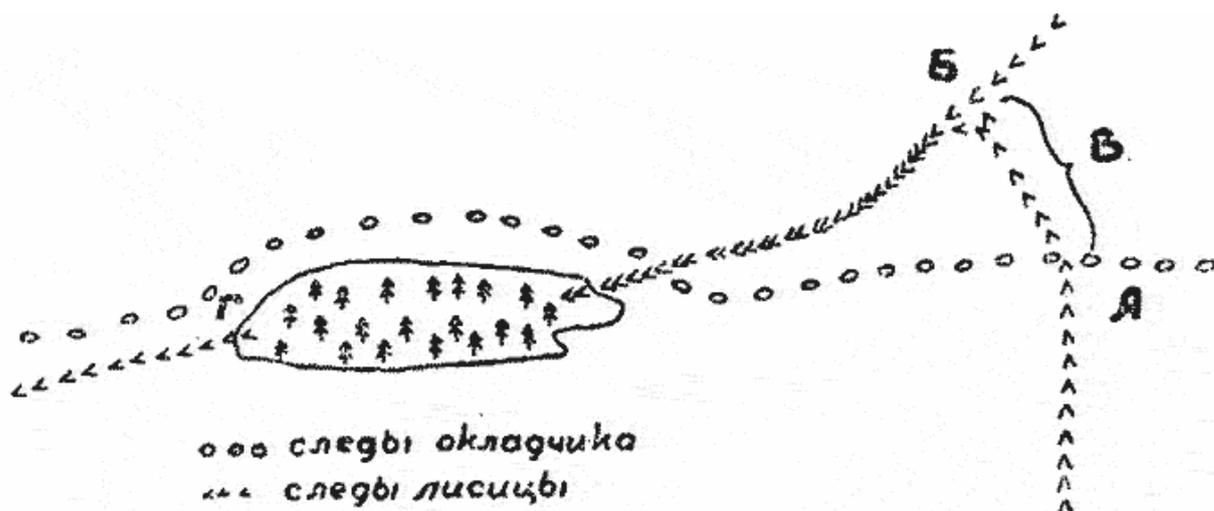

Рис. 11

Выяснение количества выслеживаемых зверей имеет в виду и определение количества зверей, прошедших одним следом, одною тропой. Определение количества зверей необходимо не по причине понятной любознательности, а во избежание частых случаев неудачи или меньшей удачи охоты при незнании количества выслеживаемых или окладываемых зверей. Возьмем для примера приведенный на рис. 11 случай. Окладчик пересек лисий след в точке «А» и впустил его в остров, а на противоположной стороне «Г» встретил выход из острова; лисицы, следовательно, в окладе нет, так $+1$ и $-1=0$; однако, как потом оказалось, в лисий след недалеко от пересечения в точке «А» следа, незамеченно влился след второй лисицы, в месте, обозначенном литерою «Б». Определив след количественно и качественно (одиночный след молодой самки при встрече его в точке «А»), окладчик не проверил его, впуская в оклад, а видя издали, что он отвечает требованию свежести, сразу стал обходить остров, а в точке «Г» выпустил тот же след, который пересек в точке «А», т. е. свежий след молодой самки. Вышедшая из острова лисица целый день прослониалась и обложить ее не удалось, вторая же лисица, вошедшая по следу первой, дневала в острове. Каждый след необходимо осмотреть и впустить в самый оклад; исполни окладчик это правило, осмотрев он след под самой опушкой (на расстоянии, на каком следует ставить номера, он заметил бы намин следа, и, пройдя немного в пяту, увидел бы след второй лисицы.

След зверя, идущего в место, подходящее для дневки или остановки, где зверь может задержаться, считается входом, а след из того же места—выходом.

Впустив след зверя в оклад и получив после обхода четное число следов (входов и выходов), например, 1 вход и 1 выход, 2 входа и 2 выхода и т. д., надлежит считать оклад пустым; наоборот нечетное число—1 вход или 2 входа и 1 выход или 3 входа и 2 выхода—свидетельствует о нахождении зверя в обойденной окладчиком площади. Бывают, однако, исключения, когда четное число следов свидетельствует о нахождении зверя в обойденном участке, когда $+1$ и $-1=1$. Эти случаи могут встретиться, когда зрение человека видит на снегу то, что можно видеть, и не в силах видеть то, что было видимо хотя бы недавно. Непонятное на первый взгляд явление случается и при нечете следов, когда вместо того, чтобы по всем правилам считать зверя обойденным, получается пустой оклад. И то и другое исключение из весьма основательного правила о чета и нечете следов, которое обязательно для каждого окладчика, получилось благодаря тому, что накануне и всю ночь свирепствовала метель, а под утро наступила замечательная тихая

погода с прекрасною порошею. В бурную погоду лисица вошла в оклад, проспала там продолжительное время, а выйдя на рассвете и поймав руса-ка, вновь пришла на дневку в 'тот же участок леса, оставив на снегу самые четкие следы входа и выхода. Такой чет может, следовательно, отвлечь от успеха, представляя собою некоторого рода загадку. Нечет же следов при: тех же условиях, дающих как-будто вопреки правилу пустой оклад, на) самом деле не является исключением из этого правила, так как количество выходов в таких случаях будет превышать число входов.

Когда звери идут одною тропою—след в след, необходимо распознать, какое количество их прошло одним следом. Отсутствие подсчета или неверный подсчет может повлечь за собою неудачу или в лучшем случае неполный успех. Возьмем следующий случай: 4 волка след в след вошли в сосновое моховое болото, где волки вообще нередко останавливаются на дневку; тройка волков вышла след в след из этого болота, а четвертый остался там на дневке. Выпустив тропу, окладчик не проверил количества вышедших по ней волков, предполагая, что вышли все, и продолжал безуспешно их окладывать.

Если окладчик не может определить количества прошедших одною тропою зверей, то тропу приходится выследить до степени желательного разрежения следов.

Когда волки идут на рассвете или днем, тропа долгое время иногда не разрежается, особенно при глубоком рыхлом снеге; при мелкоснежье или насте группа волков, особенно в ночное время, то и дело сходится и расходится, ведя каждый самостоятельную нить следов. Во всяком случае при встрече на пути некоторых препятствий, в виде изгородей, частого лесонасаждения, места, через которые надо перепрыгивать, а равно при входе и сходе с дорог волки идут в разброд, и такими местами следует пользоваться для проверки количества шедших одною тропою зверей. При выслеживании или окладывании копытных зверей, идущих тропой, подсчет их количества легко делается при расхождении их на кормежке.

Говоря об определении количества зверей, идущих одной тропою, имеется в виду проложение зверем, идущим впереди, следа по нетронутой снежной целине и ступании следующих позади в ямки, проложенные первым. Определение количества зверей, прошедших одним следом (о чем будет сказано ниже), делается иногда по внешнему виду свежее проложенной тропы, а не старой, затверделой, когда количество прошедших зверей можно определить исключительно при расхождении самостоятельными нитями следов по целику.

Определение по внешнему виду свежей тропы количества прошедших зверей—дело нелегкое; основательные затруднения, однако, возникают при прохождении более трех зверей. Глазу более или менее опытного окладчика сразу заметна разница между следом одиночного зверя, и следом, по которому пройдено два раза. Вторичное наступание в первичные ямки следа заметно уплотняет подошву следа; (последующее прохождение третьего, четвертого экземпляров еще больше уплотняет не только подошву следа, но и стенки ямок следов и явно влияет на разбитость следа, т. е. на увеличение размера и очертаний следа. При прохождении более 3 экземпляров ямки следов уже на расстоянии свидетельствуют о происшедшей деформации следов так же, как ясно бывает видно на снегу, когда человек пройдет в разношенных галошах, а не в аккуратных ботинках.

Определение количества прошедших одним следом зверей по внешнему виду может быть установлено, когда зверей не более 3-4 экземпляров, большее же количество может быть определено приблизительным минимумом, например, не меньше 6—4 штук и т. д. до сравнительно небольших пределов.

Двукратное прохождение зверя одним следом определяется более или менее просто; в практике окладчика особенно часто встречаются лисьи следы, которыми лисица проходит иногда и не один раз; степень наминки двойного лисьего следа привычна поэтому глазу следопыта; на основании усвоенной опытом возможности различить степень наминки лисицею следа вторичным прохождением окладчиком может быть определено прохождение и других животных след в след.

Определение количества зверей важно и сначала выслеживания, и при складывании, и при охоте.

Мы уже видели из приведенного выше примера об оставшемся в окладе одном из 4 волков, благодаря тому, что окладчик не проверил выходную тропу. Такие случаи бывают часто при неподсчете зверей и при выслеживании, когда при об'езде, с целью пересечь следы, окладчик встречает их вступающими на дорогу и принимает за то же количество' зверей, какое было ранее на тропе, не зная собственно-сколько их было. На самом деле несколько зверей, сойдя, с тропы до дороги, остается на дневке, окладчик же до сумерек тщательно занимается выслеживанием зверей, вступивших на дорогу.

Знание количества обложенных зверей имеет влияние нередко на результате охоты. Представьте себе, что из тройки обложенных волков пара стариков прорвались под флаги, а третий зажался в окладе. Так как окладчик предполагал, что все волки вышли из оклада и точного счета обложенных не, знал, то флаги были сняты и охота двинулась для преследования пары прорвавшихся.

Одновременно с определением свежести следа или количества зверей, полезно произвести и качественную оценку следа, т. е. выяснить возраст и пол зверя. Такое качественное определение следа приносит значительную пользу и при выслеживании одиночного зверя.

Говоря про определение возраста по следу, имеется в виду, конечно, не точное выяснение лет от рождения, а приблизительная возрастная классификация, имеющая значение для охоты по влиянию возраста на поведение животного. Так, например; в выводке волков вполне удовлетворительно является разбивка по возрасту на 3 категории: матерые, переярки и прибылые.

Определение по следу пола и возраста делается легко, когда след проложен по свежее выпавшему небольшому слою влажному снегу, при незначительной толщце снежного покрова вообще, или когда крепкий непролазывающий наст покрыт небольшим слоем свежего снега.

Как свежесть следа, так и определение пола и возраста выясняется безошибочно при непрерывной практике. Незначительная иногда разница в очертаниях следа требует для решения вопроса либо сравнения со следами зверей другого пола и возраста, либо прежнего непритупившегося впечатления. При определении пола и возраста волка следует иметь в виду, что характерные для этой цели отпечатки дают лишь передние лапы зверя, в чем легко' убедиться на убитых экземплярах, сравнив задние лапы с передними и задние лапы самцов и самок.

Рис. 12

Передние лапы самца разнятся несколько от передних лап самки того же возрастного периода в величине и главным образом в овале подошвы, (см. рис. 12). Сравнивая же задние лапы самцов и самок, получается слишком незначительная разница, не могущая служить достаточно верным и характерным признаком для определения возраста, а тем более пола.

Если заняться внимательным рассмотрением передних лап убитых матерого самца и матерой волчицы, то разница в величине самих передних лап самца и самки кажется менее значительной, чем отпечаток следов одних передних лап на благоприятном снегу. Объясняется это тем, что вес старого самца обычно больше веса старой самки приблизительно на 8-12 кг, а благодаря большей тяжести туловища самца, пальцы передних лап раздвигаются шире и вся подошва плотнее уминает снег.

Пальцы задних лап менее подвижны и тяжесть туловища мало влияет на расширение (растопырявание) их. К сожалению, в отпечатках следов: часть характерной особенности, которая выявляет пол и возраст, теряется, благодаря зами-нанию заднею лапою отпечатка передней; иногда, когда зверь, остановившись, повернет круто в другую сторону, отпечатки передних лап остаются неприкосновенными и такими отпечатками полезно воспользоваться для получения полного впечатления разницы, существующей как в величине следов старого, средневозрастного и молодого волка, так и характерной особенности следа, зависящей от принадлежности зверя к тому или другому полу.

Та же приблизительно характерная разница, определяющая возраст и пол, замечается и у копытных зверей: след сам-ца круглее, концы копыта тупее, у самки продолговатее, острее. То же можно сказать и относительно следа медведя, в смысле овала подошвы.

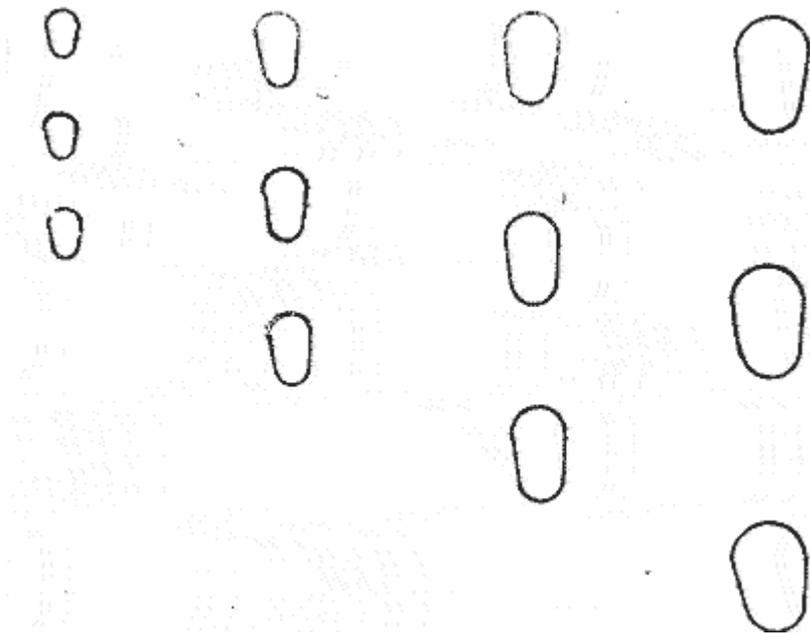

Рис.13

При определении по следам возраста и пола лисицы надо иметь в виду, что большой размер следа не служит, как у большинства других видов зверей, бесспорным доказательством зрелого возраста и, следовательно, величины зверя. Встречаются лисицы, у которых подошва обрастает особенно густою шерстью, выдающеюся пучками и окаймляющею воротником лапу, ямка следа получается от этого широкая, весь след велик, а лисица с таким лапистым следом обычно небольшого роста. Таким образом, если принять во внимание при определении возраста (величины) зверя исключения, которое представляют собою такие мохноногие лисицы, то приведенные признаки определения

пола и возраста волков применимы и для лисиц. Помимо приведенных признаков отличия пола и возраста в следах волка и других зверей отличительным признаком также отчасти служит и ширина шага—расстояние между ямками следа, которое у экземпляров старых длиннее, чем у более молодых, оно больше и у взрослых взматеревших самцов, чем у таких же самок (см. рис. 13).

Ширина шага для определения пола и возраста переярковок, а также прибылых, не дает достаточно ощутительной разницы. Если попытаться выразить соотношением цифр разницу величины следа матерого волка и его шага к величине следа и шагу как матерой волчицы, так и волков прочих возрастных категорий, то получается следующее соотношение: след и шаг матерого самца по сравнению со следом и шагом матерой самки разнятся (относятся) как 3, 25 к 2, 75, след и шаг старика к следу и шагу переярка—как 3, 25 к 2, 25 и к следу и шагу прибылых—как 3, 25 к 1, 5. Понятно, что при сравнении расстояния между ямками следов нужно брать один и тот же аллюр зверей, так как если сравнить след на рыси переярка и след шагом матерого, то расстояние шага последнего будет меньше, т. е. получится противоречие.

Аллюров у большинства зверей разных видов несколько: шаг, трусца, крупная рысь, короткий галоп, растянутый галоп и карьер. Ход шагом у волков и лисиц встречается сравнительно редко; на следах ход шагом выражается очень близким расположением ямок следа: иногда блинчики, следов' соприкасаются; шагом хищные звери пользуются при подкрадывании к добыче, при высматривании опасности, при нерешительности, при сильной- усталости или большой сытости, когда след ведет на несомненную лежку. Наиболее частый ход волка, и лисы—трусца (особая мелкая рысь); аллюром этим и волк и лиса пользуется при передвижении по своему охотничьему району, он же служит при скитаниях зверя. Крупною рысью звери пользуются при некотором возбуждении, беспокойстве, при прямолинейном передвижении к определенной цели, при страхе в период течки и в других случаях. Короткий галоп практикуется для облегчения передвижения, например, в местах, где снег особенно глубок, для ускорения движения—играя, догоняя себе подобного, или для других целей перед переходом на растянутый галоп или карьер; по-следние два аллюра встречаются или чтобы догнать добычу или при удалении от опасности.

Не только очертание следа и размах шага определяют возраст и пол, манера хода и характер избираемых путей и направлений также способствуют выяснению возраста' и пола, правда, что указанные признаки ярче выявляются на следах зрелых экземпляров.

Привычка старого самца искать самку, оберегать ее силою, вступать в единоборство с соперниками, нападать оставляет известный отпечаток на осанке и на поведении зверя. Характер самца, его большая самостоятельность и независимость за исключением инициативы движения, которая принадлежит самке, несомненно оставляет признаки характера и на нити его следов—на его ходе. Самка предпочитает более защитные пути, она нервнее, пугливее—по своей природе она привыкла охранять своих детей прежде всего осторожностью. Если, например, в волчьем выводке старая волчица идет впереди следующей за нею гуськом семьи, то эта повадка ее лежит в материнской природе избирать путь с осторожностью, -все время заботясь о следующих позади, чего не мог бы осуществить самец—у него не хватило бы бдительности волчицы, которую прибылые привыкли к стати слушать и лучше понимать. Эта характеристика относится ко всем зверям и особенно интересна у зверей, живущих семьей.

При внимательной качественной оценке следов иногда удается заметить некоторые случайные особенности, представляющие собою отклонение, подчас весьма

незначительное от обычной внешности следа или сочетания следов. Особенности следов полезно запомнить, так как приметы могут пригодиться при последующем вкладывании, тем более, что зверь с такою приметой отличается в большинстве случаев и особенностью в поведении.

Отклонения в следах от обычного рисунка или в чередовании и расположении ямок следа являются следствием природным или приобретенным; в число особенностей первого порядка можно указать на необыкновенный в ту или другую сторону размер следа, на опушенность подошвы, ступенькую отпечаток подошвенной части пальцев и пятки, на нежную аккуратность (чистоту и симметричность) ямок следа и др.; в числе особенностей благоприобретенных следует отметить неприступание одной лапой, дающею незначительное поверхностное углубление в толщу снега, словно кто слегка коснулся снега углом рукавицы; такой знак обычно отпечатывается несколько сбоку нити следов и бывает следствием оружейного или капканного повреждения ноги зверя; встречаются отпечатки с отсутствием одного из пальцев, оторванного капканом, случается видеть сплошную черту от волочения ноги, ход в припрыжку на 3 ногах и другие случаи. Запоминание таких особенностей входит в обязанность окладчика, являясь составною частью качественной оценки следа!

Значение качественной оценки следа огромно, особенно когда; приходится окладывать группы зверей или хотя бы и одиночных в местности, где зверь водится вообще. Приведу один из многочисленных случаев, подтверждающих значение качественного определения следа (см. рис. 14).

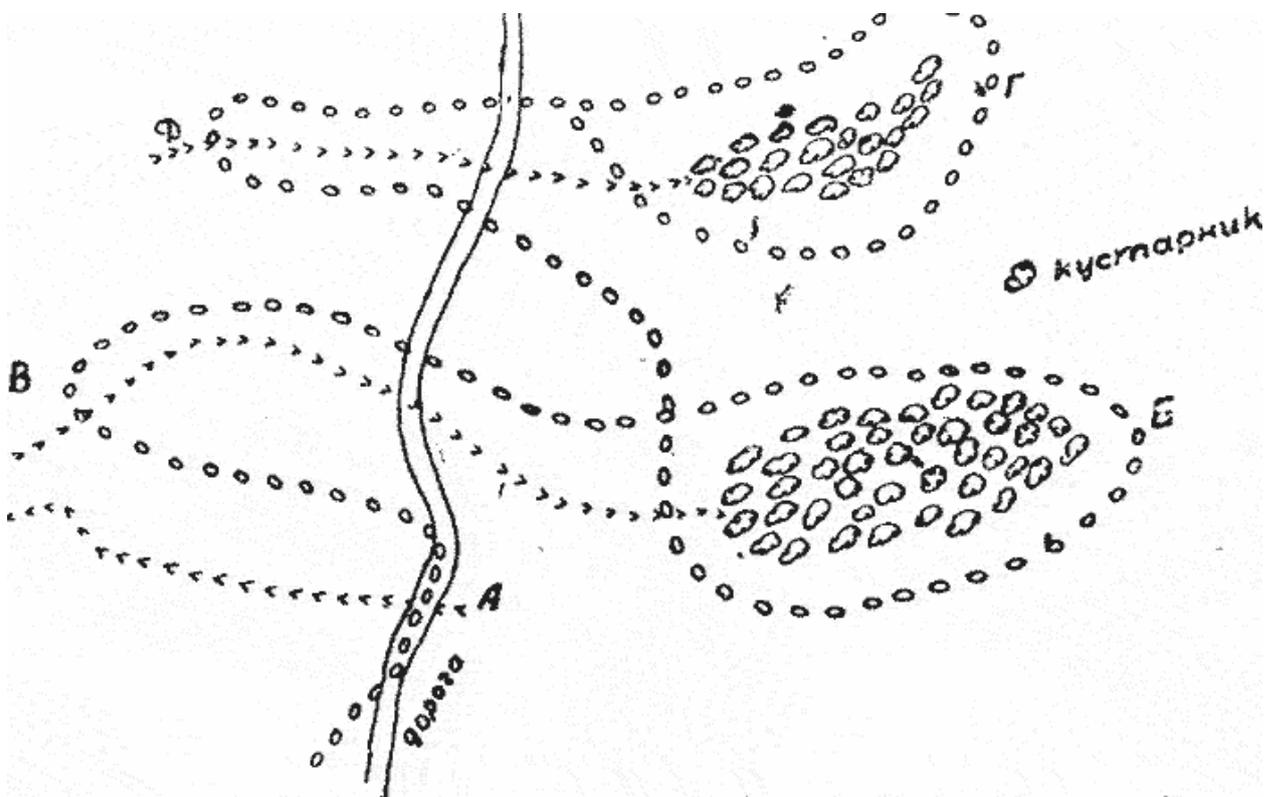

Рис. 14

В надежде перенять лисий след, окладчик отправился по хорошему по переходам полю. Вскоре он встретил след поперек дороги (лит. «А») справа налево. Определять свежесть надобности по случаю пороши не было. По осмотре следа с целью количественной и качественной оценки оказалось, что след принадлежит лисовину среднего возраста. Окладчик направился, придерживаясь приблизительно направления следа, и через несколько сот шагов вновь пересек лисий след в точке «В»; он обложил эту лисицу в основном болоте «Б». Лисица эта была убита, но оказалась самкою. Недоумевая сначала, окладчик однако, вскоре сообразил, что вместо следа лисовина он встретил в точке «В» след убитой самки И настоял на немедленном отправлении всей охоты на пересечение следа лисовина. В пункте «Д» действительно встретился печатный след довольно крупного самца, которого вскоре и удалось обложить и убить в окладе «Г». Оклады «Б» и «Г» отстояли один от другого в расстоянии не более 0,5 километра.

В заключение этой главы полезно высказать еще несколько практических пожеланий.

Когда имеется верная возможность обложить одного зверя, не следует увлекаться группой зверей, проследовавшею дальше, не покончив дела с первым.

Там, где зверь много петляет, он ложится редко. В местах тихих, где волков не преследуют и даже не тревожат, волки нередко днюют несколько раз в одной и той же лесной площади, пользуясь своими входными и выходными тропами, ко стоит их там обеспокоить хоть дроворубу, как они отважи-ваются надолго, во всяком случае пока снег не заровняет их ходы.

Молодой волк, отбившийся от группы (робкий), да еще наевшийся, иногда так часто переступает (шагает), что след его подобен тропе, будто этим следом прошло не менее трех штук, особенно это может ввести в заблуждение на малоезжей, но все же достаточно плотной дороге, где группе волков нет смысла ступать след в след для облегчения передвижения, как по целику.

Самец-одиночка, к какому бы виду зверей не принадлежал, идет смелее, выбирает переходы по редколесью, просветам, полянам, чистям, не жметя к густым зарослям.

Оклад

Когда местность знакома, когда знаешь, что за трудно проходимую на лыжах чащею пойдет светлая полоса редколесья, окаймляющая заболоченный еловый лес с ивняком, — на сердце не тревожно, знаешь, как пройти и обойти ту манящую середку, куда прошли волки, пропахав своими следами рассыпчатые борозды на свежем снегу. Но плохо приходится окладчику в незнакомой местности—компас не поможет миновать буреломные маквы и повал, сетку мелколесья, под сводами нагнувшихся и надломленных деревьев, облепленных толстыми подушечками снега. Между тем вместо того, чтобы Пробиваться в буреломной полосе, шипеть одеждою о хвою, подолгу шуршат на одном месте лыжами, невольно задевая гулко ломающиеся сучки, —следовало подвинуться на

две сотни шагов и встать на полосу прошлогодней лесовозной дороги, где путь прорублен, словно просек.

Лесные площади, в которых зверь выбирает участок для своих дневок, бывают весьма разнообразны, как по характеру лесонасаждения, так и по величине и форме очертаний. Зверь может дневать и среди сплошного значительного лесного массива и в обрезном месте, вокруг которого имеются большие или меньшие окаймленные чистью и в от'еме—месте, отличающемся от прилегающей местности иным характером, иною породою леса, растительности и представляющем собою нередко более низкий уровень по сравнению с окружающей площадью. ' Когда лесные сплошные массивы не перерезаны дорогами и просеками, они представляют наибольшие затруднения для складывания, разве что в них попадутся как раз оклады, представляющие собою участки разнородного с окружающим лесонасаждения, или по породе, или по возрасту леса, отличающегося от смежной стены леса. Такими выделяющимися среди лесных массивов местами являются гряды, {острова, моховые болота и др. участки; площади, отличающиеся возрастом деревьев—старым, спелым, смешанным, молодым или мелким подсадом леса, помогают проведению окладчиком линий.

Большую услугу в ориентировке оказывают отдельные деревья, выдающиеся своею величиною, породою или другими какими-нибудь отличительными признаками среди сплошного иного лесонасаждения. И крона многовековой сосны, и старая голая осина, простирающая толстые ветки, заметные и на фоне неба, и на зелени хвойного леса, часто помогают окладчику уяснить себе очертания пройденного пути или заметить по ним отправную точку, служащую помощью дальнейшему его пути и складыванию.

Чрезвычайно помогают запоминанию очертания той или иной линии оклада, равно и уяснению плана действий встречающиеся на пути окладчика отличия в местности и даже отдельные предметы, так, напр., низинка, по которой проходит окованный льдом ручей, возвышенность, полоса спелого редколесья, с видимыми в прогалке между деревьями, занесенными снегом муравейниками, заметные причудливые фигуры вывороченных с дерном корней буреломных деревьев и другие признаки.

Такие отличительные места и предметы способствуют наметить, иногда далеко еще не замкнувши круг, но помня Направление ветра и место впущенного входного следа, — стрелковую линию и даже отдельные на ней номера; те или другие особенности местности или отдельные предметы резко запечатлевают в памяти окладчика поворот линии оклада и помогают определению ее протяжения.

Предельная величина оклада зависит лишь отчасти от технических средств данной охоты. Нормальная величина оклада должна быть основана не столько на той или иной организационной мощи данной охоты, сколько на требованиях, лежащих в психологии зверя.

Нормальною величиною оклада надо признать такую, при которой зверь был бы обойден без того, чтобы его потревожить обходом, в то же время она не должна быть слишком большой, чтобы не терять управления ходом зверя на номер, и не слишком маленькою во избежание причинения резкого испуга зверю во время гона.

Вот те довольно растяжимые понятия о нормальной величине оклада, диктующие неперемное соблюдение высказанных в них целевых условий. Необходимо поэтому теперь же определить ту конкретную величину оклада, в какую он выливается на

практике. Как сказано, зверь не должен быть потревожен обходом. Зверь может услышать, увидеть или зачует окладчика.

Величина оклада, таким образом, стоит в большой зависимости от характера снегового покрова, защитности местности, направления и силы ветра и условий погоды вообще. мягкий, несколько влажный и не слишком глубокий и рыхлый снег позволяет передвигаться бесшумно (относительно, конечно); снег» шуршащий, ноздреватый, сухой соединившийся в комочки-зернышки, значительно затрудняет бесшумность обхода, требуя иногда отдаления—увеличения оклада; еще: хуже звенящая пленка или ломающийся и хрустящий каст, когда почти невозможно сделать оклад без того, чтобы не быть услышанным; в таких случаях можно лишь возлагать надежду на то, что зверь, слыша звуки обхода, следит за ними, но при приближении их остается на лежке.

Обшитые лыжи при окладывании предпочтительнее—они благодаря шерсти не шуршат, не скрипят и не шипят, заглушённые оболочкою. При окладывании в плотном лесу при снежном навесе звук шагов окладчика значительно приглушается. Тихая погода и ветер в оклад при прохождении самых неблагоприятных линий вызывают мучительные переживания окладчика и заставляют прихватывать, прибавлять к окладу участки леса, хотя бы и отделенные от оклада поляною, лишь бы приглушить звук шумного обхода.

Окладчик не может точно знать, где именно выбрал себе зверь местечко для лежки в пределах того оклада, который Намечается; можно только примерно предполагать, зная характерные особенности местности внутри оклада, но ручаться за то, что зверь лежит ближе к этому краю или; к тому— нельзя; поэтому опыт велит из осторожности предполагать нахождение лежки. ближе всего к той линии, которую в данное время ведет окладчик.

Зверь может быть встревожен, правда, реже и тогда, когда он, не слыша обхода окладчика, видит его двигающуюся фигуру; случается это в редколесье в моховых болотистых грядках с островками леса, особенно, во вторую половину зимы, когда зверь нередко ложится на солнечном пригреве, чаще же это бывает на полях. Таким образом, при окладе, который не представляет собою густого леса, а состоит из редколесья, окладчику следует выбирать путь, заслоняясь от оклада лесною полосой прихваченного места, а в солнечные дни второй половины зимы не забывать потребность зверя пользоваться солнечным пригревом.

Обходы в полях, если их нельзя делать по дорогам, надо тщательно вести, по возможности заслоняясь; когда местность пересеченная, надо пользоваться возвышенностями, ведя линию за ними.

Первое требование о величине нормального оклада, заключающееся в том, чтобы не потревожить зверя обходом, может на практике быть выполнено при окладе от 1, 5—2 километров, за исключением обходов полевых, где круг чаще превышает только что приведенную среднюю норму.

Второе условие, предъявляемое к нормальному окладу, заключающееся в требовании, чтобы оклад не был слишком велик, во избежание потери возможности управлять ходом зверя, имеет немаловажное значение при охоте облавой и с флагами.

На самом деле, хотя облавная или охота с флагами и рассчитана на ход зверя своим лазом, тем не менее и при ней применяют меры (загонщики, флаги), препятствующие зверю принимать нежелательные для успеха охоты направления, а при этом приеме надо

принять во внимание, что чем больше препятствий, чем длиннее путь с препятствиями, тем скорее на зверя находит паника, тем больше шансов, что он, невзирая на препятствия, вынуждается к их преодолению—к прорыву. Оклад, следовательно, слишком большой не вполне благоприятен, так как ходом зверя управлять трудно. Это желательное условие управления ходом зверя легче чувствуется, чем поддается определению, тем более, что в каждом окладе, благодаря его особенностям, создаются и иные условия для управления ходом зверя; тем не менее нормальная средняя величина желательного оклада может быть приблизительно определена цифрой из практики.

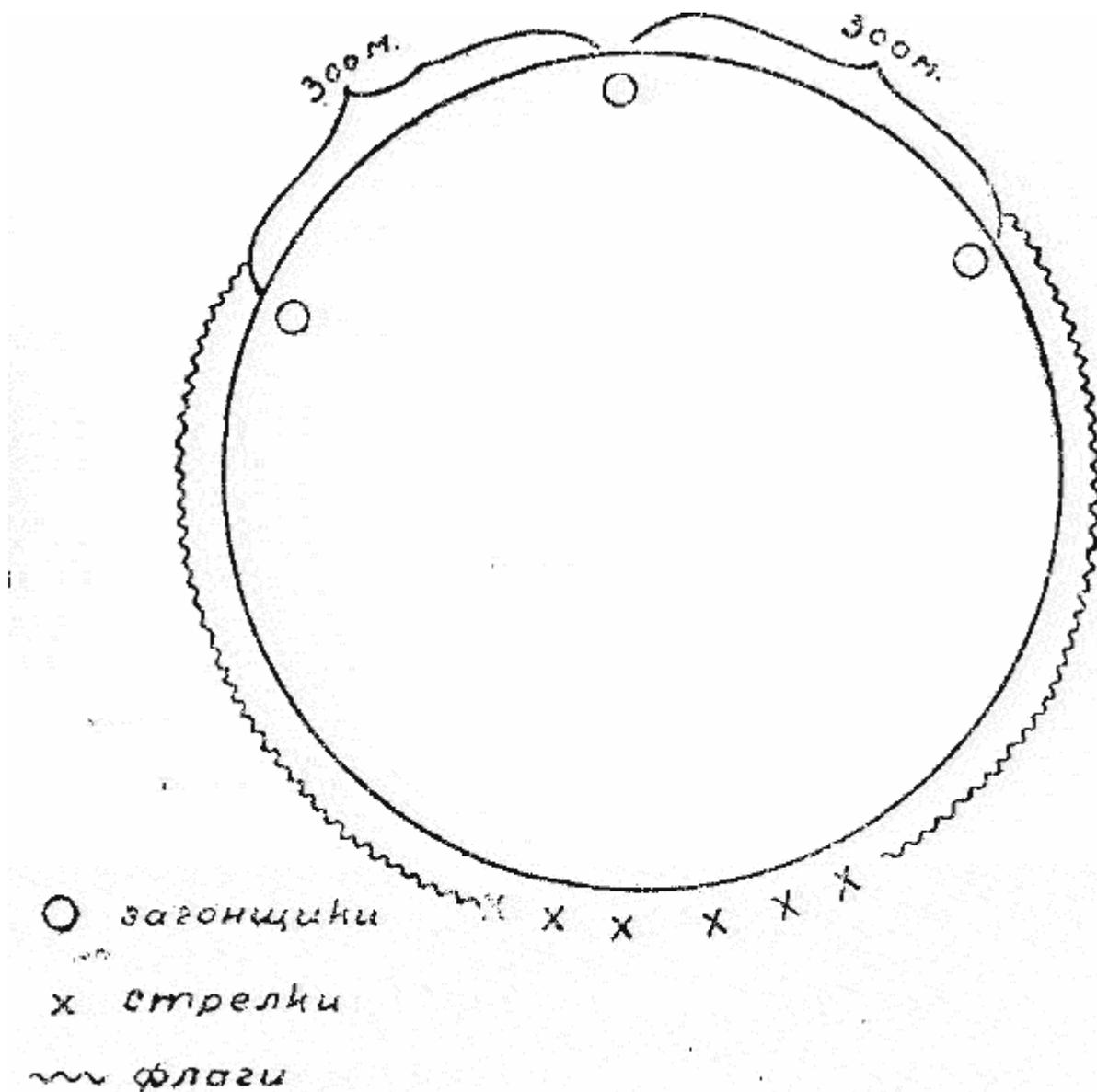

Рис.15

Приняв во внимание, что обычно при охоте с флагами имеется три загонщика (окладчик и 2 помощника), причем один находится посередине окружности оклада, а двое остальных отстоят от него на флангах (см. рис. 15) в расстоянии 200—400 метров (в среднем на 300 метров), т. е., примерно, в конце первой трети дуги, то окружность оклада, таким образом, будем равняться $300 \times 6 = 1800$ метров. Этот оклад можно считать по величине средним и при благоприятном очертании управление ходом зверя находится в руках.

Остается еще последнее требование к величине оклада; величина его не должна быть слишком мала во избежание причинения резкого испуга зверю во время гона.

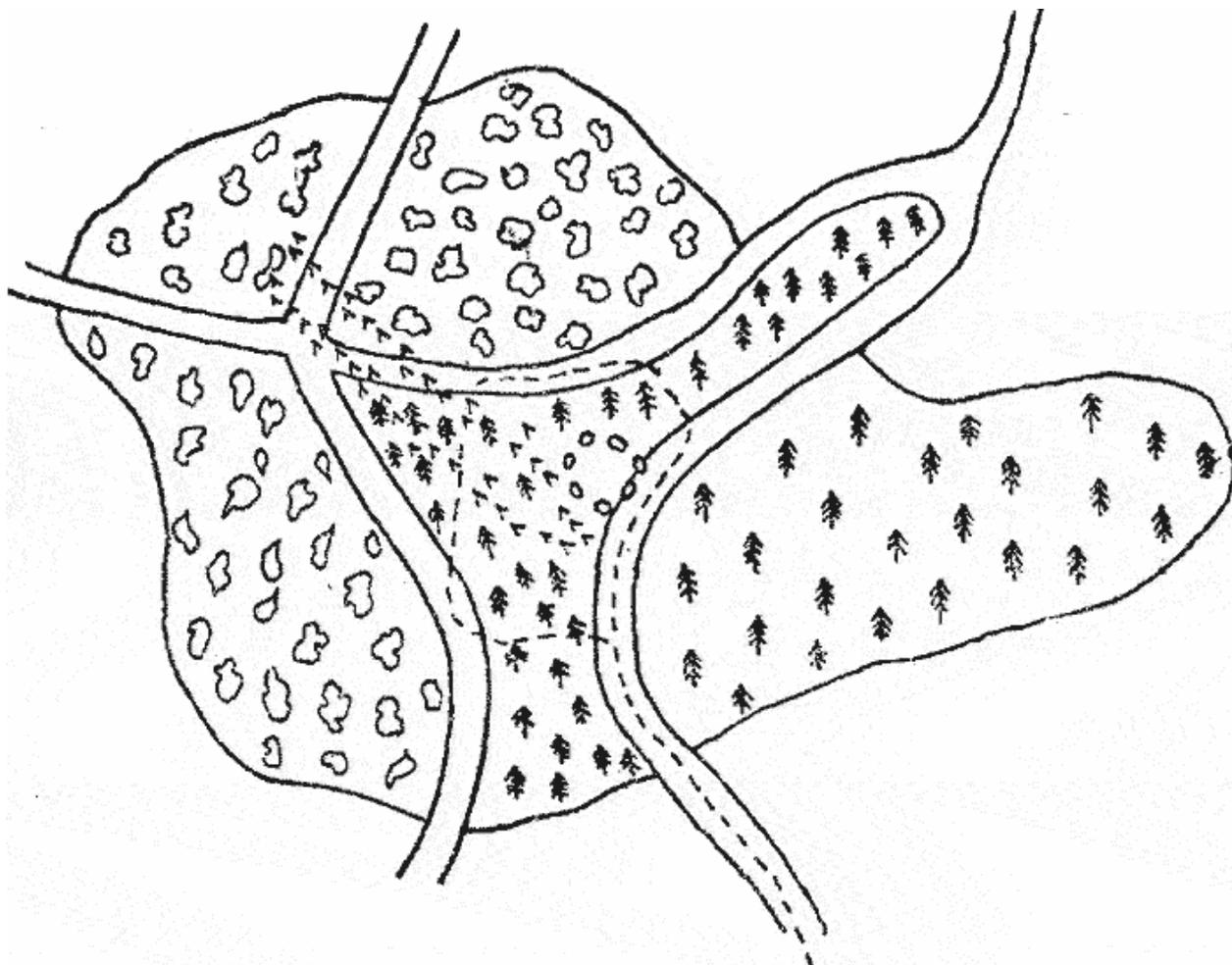
Как определить цифрами приемлемый минимальный размер оклада? Из практики мы знаем, что при встречах с ненагоненным, не бывалым зверем на открытых даже местах, зверь при известных условиях сохраняет относительное спокойствие; он обычно не ускоряет движения, а часто даже останавливается, наблюдай за человеком, или продолжает свое передвижение по направлению, долгое время иногда не отдаляющему его от человека.

Но такое поведение зверя встречается обычно на известном расстоянии, несколько большем или меньшем, в зависимости от характера встречи, поведения человека и индивидуальности зверя. Такое расстояние при отсутствии агрессивных со стороны человека действий может быть приблизительно определено в 150—300 метров, другими словами спокойствие зверя не нарушается на расстоянии вне всякого дробового выстрела. Приведенное в цифрах расстояние позволяет зверю не пугаться, не удирать от человека, тем более, когда зверь подготовлен к возможности встречи опасности, а просто медленно с остановками отойти на большее расстояние от человека. Иное дело, когда мирно отдыхающего зверя потревожит неожиданно обнаруженное присутствие человека в расстоянии хотя бы свыше 300 метров, а тем более, когда зверь, слыша затем по голосам окружение и приближение людей, замечает, кроме того, и зловеще молчащие флаги. Однако надо принять во внимание то успокоительное действие, какое оказывает на зверя сплошной заслон леса, позволяющий зверю даже на близком расстоянии сохранить относительное спокойствие, так как зверь чувствует, что человек его не видит. Таким образом, если дело касается зверя не нагоненного, не бывалого, то не будет ошибки определить, что расстояние от загонщика до зверя в 300 метров является тем расстоянием, на котором такой зверь, встречаясь при переходах с человеком, сохраняет относительное спокойствие; оно будет приемлемо и в лесном окладе при условии умелого гона. Если мы обратимся снова к рис. 15, то, приняв во внимание диаметр оклада в 600 метров; и то обстоятельство, что точное местонахождение лежки зверя неизвестно, можно признать, что приведенная на рисунке величина круга (оклада) удовлетворительна. Часто, однако, природные условия создают незначительные по величине обрезные оклады, которые применимы для обхода русака. Это дар природы, который надо принимать с радостью, так как никто не мешает прирезать к окладу чистого места или лесной площади, начав гон издали, осторожно стронув зверя. Итак, повидимому, все условия нормального оклада в большинстве случаев могут быть удовлетворены обходом в 1, 5—2 км.

Человек не обладает всею силою подсознательных чувств животного, которые поглощены сознательною деятельностью человека; тем не менее окладчик при выкрикивании оклада в сплошном лесу, положительно руководствуется иногда инстинктом; при этом иной окладчик, который в другой раз имел дело с тем же окладом, идет тем же путем, как по дороге, словно следы предшественника сохранились. Речь идет не об ясных, легко объяснимых линиях оклада, избираемых по просветам, просекам, спайкам леса разных пород и возрастов, избрание таких линий понятно; речь идет про те лазейки и пересечения к ясным линиям, выбор которых необъясним. Таким образом, как иногда при выслеживании многое чувствуется без возможности объяснить, так и во время складывания просыпается в окладчике неизжитая еще способность пещерного человека.

Упомянув об этой ценной способности, перейдем к тем линиям оклада, которые проводятся с обладанием известных требований по объяснимым причинам.

Как только след зверя влился в подходящее для дневки место и словно потонул в опушке, окладчик, тщательно проверив его, еще раз качественно и количественно, начинает обход от входного следа, заметив с самого начала обхода направление ветра и проверяя его при изменении линии оклада.

ooo следы окладчика стронувшего зверя
 благодаря незнанию расположен. дорог.
 --- линия правильного обхода, пользуясь
 дорогами.

Рис. 16

Проверка следа перед впуском в оклад должна производиться в должном расстоянии от опушки; по тем же соображениям, чтобы не отрезать от оклада быть может здесь же имеющую быть расположенную стрелковую линию и этим не воспрепятствовать ходу зверя на стрелков, окладчик ведет свой след на известной дистанции от самого оклада. Линия от входного следа до первого поворота (до угла или закругления), образуемого второй линией, довольно ответственна, так как ею значительно предопределяется если не ширина, так длина оклада; во всяком случае она создает основание для построения величины оклада, о которой так много было приведено практических соображений. Помня эти соображения, не следует торопиться делать поворот на следующую линию, разве что

проезжая дорога сделает без нее еще преждевременный почин и радостно поведет, образуя вторую линию оклада.

Как уже было сказано, просеки, поляны, ручьевинны, выступы, разнородные со смежными по породе и возрасту лесонасаждения и другие приметные особенности облегчают проведение линий оклада, но незаменимую помощь оказывают дороги; они занимают в этом отношении наипервейшее место. Дорогою как при складывании, так и в окладе не только можно воспользоваться для поворота на следующую линию, но следует воспользоваться даже, если она встретится тотчас после впуска входного следа в оклад. Надо иметь в виду, что передвижение людей по торным дорогам (которые, кстати сказать, хорошо известны зверю), не тревожит зверя; дикие животные прекрасно осваиваются, будь то птица или зверь, с теми путями сообщения, которые, как рельсы, не изменяя направления, постоянно служат движению людей; стоит, однако, проезжему остановиться, как зверь уже настораживает внимание; если же зверь услышит приближение по целику, то без долгого размышления удаляется.

Совсем близко от торных дорог ложатся и медведи, ложатся они и у самого поля, слыша на деревне и лай собак и голоса людей; ложится на поле недалеко от дороги и лисица, поглядывая из-под можжевельного куста, не поднимая головы на проезжающих; остается на дневке в еловом острове, узко обрамленном дорогами и волк. Прохождением по торной дороге, совсем близко от начала обхода провернувшей в оклад, дела не испортишь, часто сократишь, работу и выяснишь положение, так как зверь нередко пересекает угол, начавшегося лесного участка с целью выйти на дорогу или перейти через нее в следующую за нею площадь, где он и выбирает себе место для дневки. Пренебрежение окладчиком дорогами Или незнание их расположения частенько ведет к тому, что зверь оказывается стронутым с лежки неправильным вторжением окладчика в середку. Об этом говорят рис. 16 и 17.

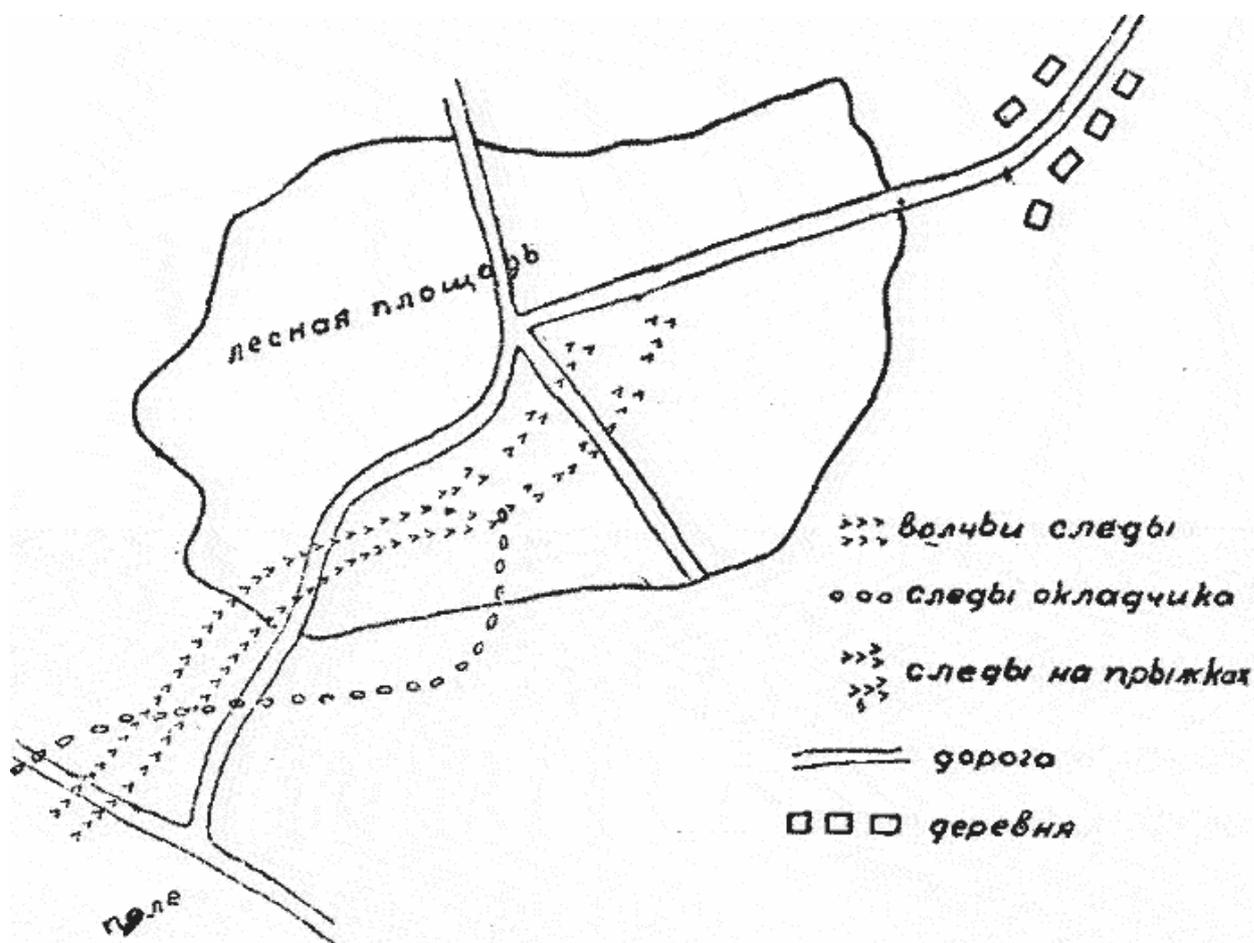

Рис. 17

Начиная обход, полезно для определения протяжения каждой линии производить счет шагов, а чтобы не сбиться (так как внимание окладчику отвлечено и напряжено другими: важными деловыми соображениями), лучше каждую сотню шагов отмечать, откладывая в карман обломочек ветки или спичку. Еще удобнее пользоваться шагомером, коли он имеется. Опытный окладчик, конечно, чувствует протяжение пройденных линий, но всё же предлагаемый способ точнее и имеет значение, особенно при больших окладах, когда важно заблаговременно определить количество загонщиков, флагов и стрелков. Окладчик должен стремиться по возможности провести либо прямые, либо дугообразные линии оклада. Проведение совершенно правильных прямых линий возможно, конечно, лишь тогда, когда эти линии или некоторые из них имеются в природе в виде, главным образом, просек, границы с полем или мест обрезаемых. Оклады, дающие возможность достигнуть весьма полезного желательного сужения к стрелковой линии, могут быть построены преимущественно при содействующих (природных условиях, но отчасти и независимо от них. Это показывают рисунки 18, 19, 20, 21, 22 и 23.

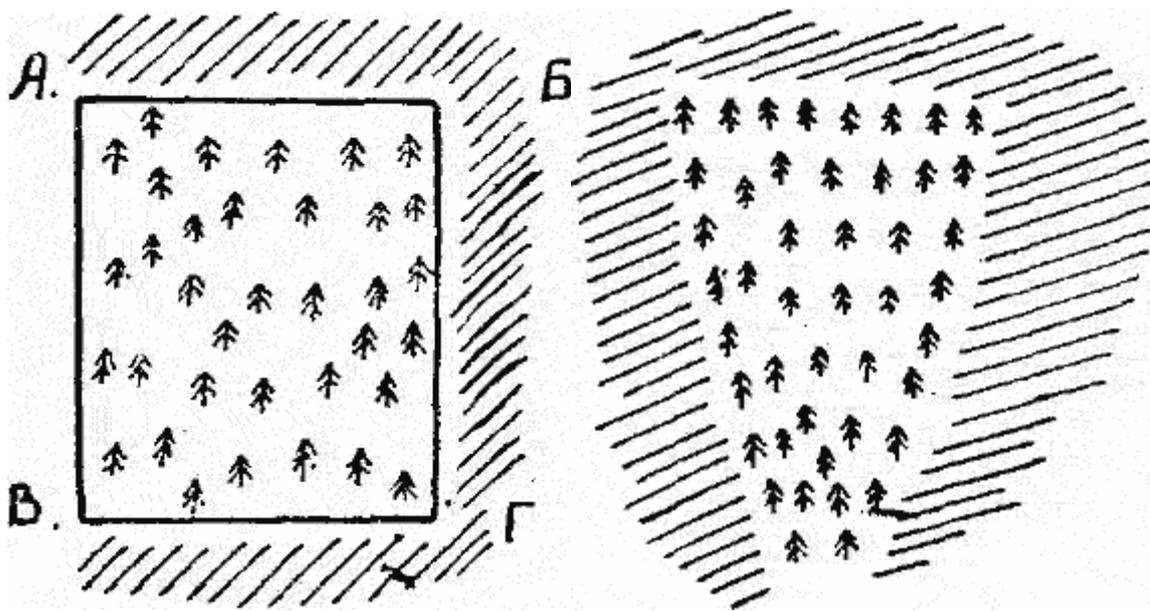

Рис.18

Рис. 19

На рис. 18 изображен оклад, сторона коего «А—Б» прилегает к полю, «А—Б»—на дороге, «Б—Г»—по просеке, а линия «Б—Г» проведена окладчиком по редколесью; рис. 19 представляет гряду елового леса среди чернолесья с удобным сужением к стрелковой линии, благодаря форме гряды; оклад на рис. 20 выкроен окладчиком по просветам и полянам; рис. 21 изображает хвойное болото среди более возвышенного Лесного окружения кольцом; рис. 22 является окладом, представляющим собою квартал лесной дачи в. просеках; на рис. 23 изображен сосновое моховое болото, редколесье с входным следом волка и стрелка указывающая направление ветра (болото окружено гористым бором); этот рисунок дает, как видно, оклад довольно трудного очертания—сложный, вопреки только что высказанным пожеланиям о проведении окладчиком прямых или дугобразных линий; окладчику ничего больше не оставалось, как обойти болото по берегу бора—по спайке с болотом.

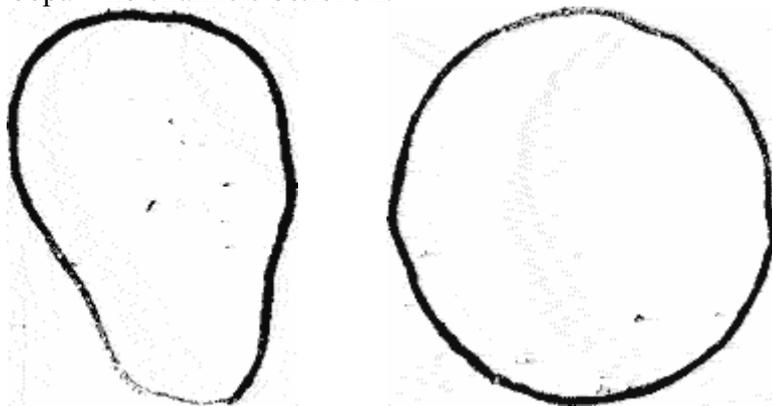

Рис. 20

Рис. 21

Разберем данный случай. По размеру оклад приемлемый (2 км) по форме труден; убавить рискованно, равно как и выправить отрезом; прирезать для улучшения очертания (линий) будет ухудшением положения, так как кругом местность, как было сказано, резко противоположного типа— гористый бор. Окладчик вышел, однако, из затруднения, см.. рис. 24. Под стрелковую линию окладчик выбрал сторону «Б2», поместив на ней семь прибывших стрелков; загонщиков он расставил в местах, обозначенных кружками, — одного у мыска над лит. «А»; сам встал против угла между литерами «А» и «Г», третьего

он поставил недалеко от соединения линии «Г» и «В», перед образовавшимся; в линиях оклада неблагоприятным выпячиванием; при этом окладчик и загонщик между линиями «Г» и «Б» отошли несколько от оклада, чтобы охватить всем троим полукругом узкое место и в то же время не нажать зверя на опасную линию «Б1». Выбором под стрелковую линию стороны «Б2» достигнута прямизна фланговых шнуров. Лучшей комбинации по выпрямлению линий и созданию некоторой нагонистости достигнуть в этом окладе нельзя. Расположить стрелков на линиях «А» или «Г» нелегко по причине направления ветра; при занятии линии «В» получился бы с первого фланга недопустимый выступ ободом («Б2»), при занятии стрелковой линией стороны «Б1», тот же обод перешел бы на левый фланг и, кроме того, получился бы непосильный для управления ходом зверя охват загонщиками линий «А», «Г» и «В». В числе изображенных на рисунках форм окладов имеются такие (рис. 19 и 20), у коих имеется сужение. Оклады с таким сужением представляют значительное облегчение для выставления зверя, так как сама узкая сторона служит, если позволяет ветер, местом расположения стрелковой линии.

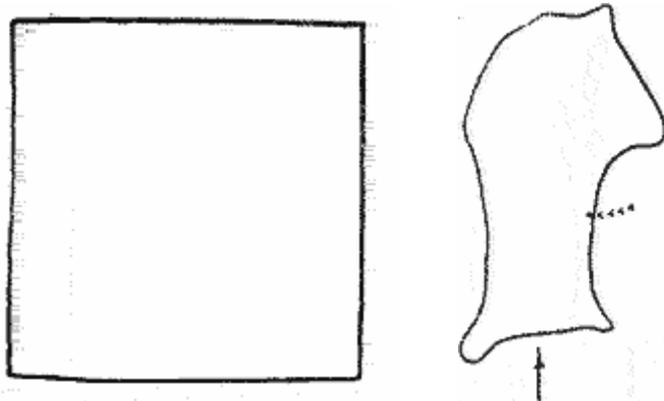

Рис. 22
рис. 23

Оклады такой формы по понятной причине способствуют управлению ходом зверя; это — так называемые нагонистые оклады, имеющие форму яйца, мешка, ремня, треугольника и т. п. Такая нагонистость оклада создается нередко не одной формой, но и природными условиями — в виде однородности лесонасаждения: Наличие удобной формы и однородности лесонасаждения дает наиболее нагонистые оклады. Возьмем, например, оклад, изображенный на рис. 19; нагонистая форма его образовалась однородным еловым насаждением острова, окруженного березовым редколесьем; естественно, что зверь, надвигаясь, заслоняясь и высматривая, дорожит при передвижении удобствами такого леса, создающими кажущуюся безопасность; таким образом, зверь выбирается из острова путем, сопровождаемым однородным лесонасаждением или заслонами и расстается с ними, когда благоприятная полоса леса кончится; благодаря этому при нормальных условиях зверь выходит на линию сужения.

Помимо природных условий нагонистость создается по возможности и линией флагов — прямизною флангов с некоторым сужением к стрелковой линии.

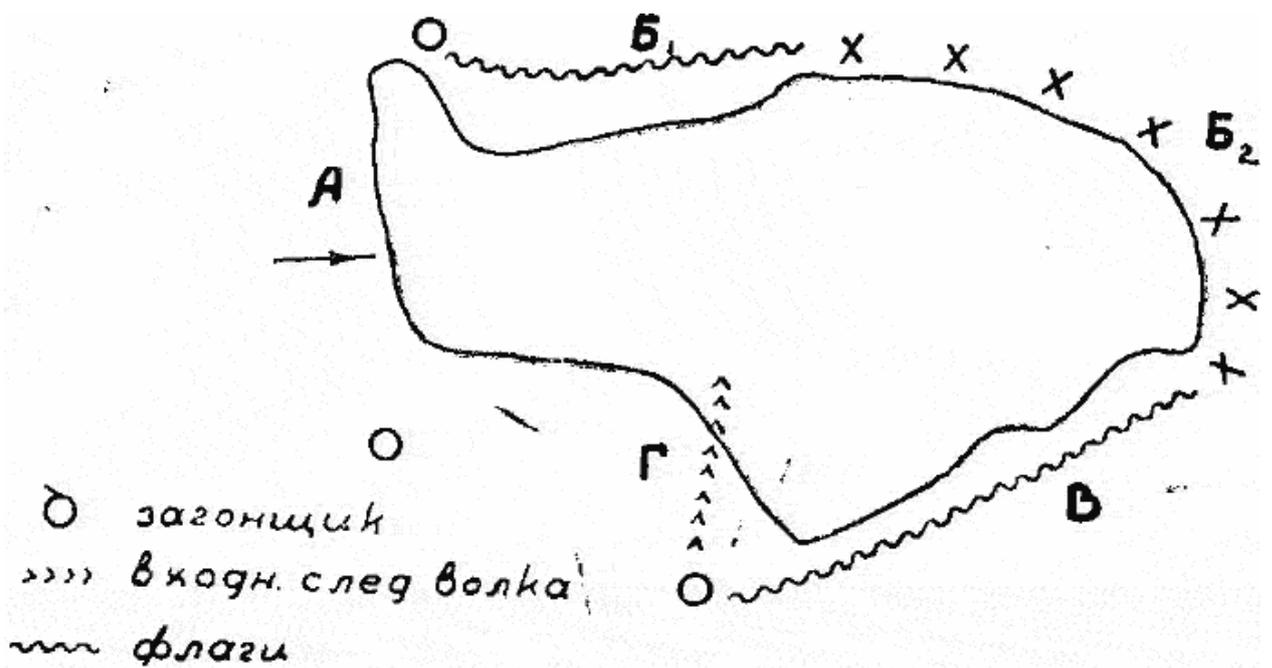

Рис. 24

Мы уже видели тот корректив, который создан правильным выбором стрелковой линии и ведения флангов в трудном по всем условиям окладе, (рис. 24); правда, это не создало хорошей нагонистости, но все же значительно улучшило ее. Не всегда возможно провести линию флагов от стрелковых номеров, образовав заметное сужение; но, с другой стороны, недопустимо вести ее так, чтобы флаги являлись бы продолжением прямой стрелковой линий; такое положение флагов, называемое «флаги стенкою», обнаруживают зверю опасность на этой линии, как это показано на рис. 25.

Рис. 25

На стрелковой линии только 4 стрелка, между тем как, судя по протяжению этой линии, стрелков следовало бы поставить вдвое большее количество; флаги от стрелков до поворота расположены на той же стрелковой линии и являются тем положением флагов «стенкою», которое всячески надо избегать; правильное и желательное направление флагов указано пунктиром. Не всегда, однако, можно прибегнуть к достаточному

скашиванию углов—это иногда рискованно, так как можно проведением указанных пунктиром линий стронуть зверя с лежки.

Нежелательное положение приходится иногда придавать флагам, когда, благодаря образованию корки на снежном покрове, передвижение слишком шумно; благодаря этому приходится отпячиваться от оклада, выносить дальше линию стрелков, а, следовательно, удлинить линию фланговых шнуров (флагов) и особенно в окладах обрезных обнаружить зверю флаги впереди его хода на стрелков (см. рис. 26).

Создавая линиями флагов возможную нагонистость, следует их вести прямиком или ободом при круговой форме оклада. Нельзя допускать мешкообразных выпячивавши оклада (карманов), зверь, попадая в такие окружения, чаще всего прорывается. Линии флагов, от которых ветер дует в оклад, являются более серьезною преградой для зверя.

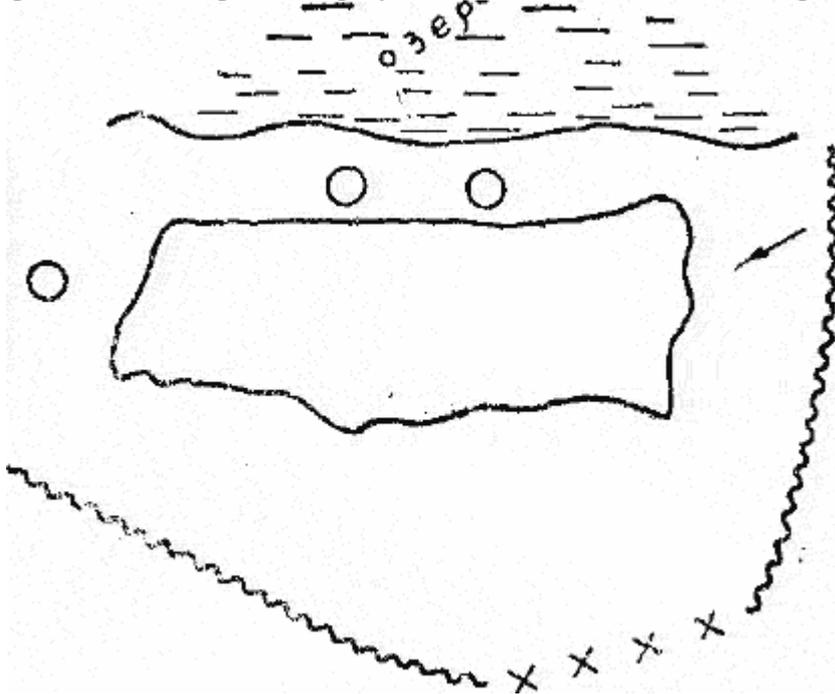

Рис. 26

Расположение флагов по лесу должно по возможности быть таким, чтобы зверь мог их видеть из оклада; нежелательно проведение их такими защитными местами, которые позволяли бы зверю напороться на них. Надо создать такие линии флагов, при их прямизне, чтобы зверь, находясь под заслоном, увидал бы флаги своевременно, не накоротке, и не видел бы их на стрелковой линии.

Между линией флагов и окладом не должно быть слишком большого пространства. Попадая в широкую полосу между окладом и флагами (особенно, когда линия их расположена по чистому или более чистому месту, чем самый оклад), зверь легко переходит на прыжки; это часто может способствовать прорыву или направлению зверя вдоль флагов в сторону, противоположную от стрелков.

Высота подвешивания флагов имеет значение, так как способствует выполнению вышеприведенного правила о желательности, чтобы зверь заметил флаги своевременно. Когда флаги на чисти, да еще трепещутся от ветра, не заметить их нельзя не только зверю, а даже и человеку с плохим зрением; когда же приходится их вести по густому ельнику, высота подвешивания имеет еще большее значение.

Помимо только что высказанной цели соответственного подвешивания флагов надо иметь в виду, что в подавляющем большинстве случаев зверь при прорывах через линию флагов проходит под шнур, а не через. Поэтому предпочтительнее при ошибке и высоте подвешивания, чтобы она была сделана в сторону более низкого подвешивания, чем в сторону более высокого подвешивания. Лисица смотрит и принохивает по низу, вследствие этого при охоте на лису ленты флажков должны касаться поверхности снега; волк же смотрит по уровню высоты своего роста, а посему флаги следует подвешивать так, чтобы концы их приходились над уровнем снега приблизительно на 35 см.

Обносить флагами следует весь круг. Когда стрелки займут свои места, шнур на стрелковой линии] необходимо снять.

Расстояние между началом флагов и стрелками (это относится к стрелкам фланговым, т. е; к первому и последнему номерам) не должно быть дальше среднего дробового выстрела. Исключение из этого правила, в смысле увеличения расстояния, иногда необходимо на чистом месте; наоборот, в густых зарослях начало флагов приходится нередко вести от самого номера. Флаги отнюдь не должны начинаться за (плечом стрелка, а несколько впереди и сбоку стрелка, чтобы он легко, без поворота головы, мог видеть начало их (несколько язычков).

(Флаги менее страшны зверю, чем люди, и в этом их большое преимущество, так как зверя можно направлять на номера с меньшим вероятием на то, что он начнет метаться в окладе. Тем не менее флаги при умелом пользовании ими и при правильном гоне служат достаточно запретной для зверя линией, близ которой он подозревает опасность и засаду.

Флаги и окладчик с помощниками—средство весьма мощное для того, чтобы заставить зверя выйти на стрелков. Флаги, Которыми обтянут оклад до следующего дня, представляют своим зловещим молчанием и посторонним запахом устрашающий караул, тем более в ночное время, когда зверь привык к тишине, к тому, что враги его обычно в это время спят, а тут, судя по запаху, они бодрствуют. Запах флагов имеет стало-быть безусловное значение, тем более ночью, так как зрение не различает цветов. В сильную мотель и снегопад влияние флагов на зверя ослабляется.

Флаги употребляют разные и по цвету, и по размеру лент, и по толщине шнура. Флаги кумачные и яркие, и пахучи, и поэтому лучшие. Нормальный размер отдельного флажка равняется примерно 35x15 см, а расстояние между флажками примерно 70 см. Бечевка должна быть по возможности тонка] и прочна, так как это влияет на вес и об'ем т. е. портативность флагов, а последняя далеко не безразлична.

Что касается приспособлений для наматывания и сматывание флагов, то систем существует несколько: делают катушку—валик на оси в рамке с ручкою, употребляют и дощечки на оси также с ручкою и простые рогульки; пользуются флагами и без всяких приспособлений для наматыва-ния, держа их мотками. Дело, конечно, не в системе, а прежде всего в четкости работы самого приспособления и в умелом пользовании. Необходимо, чтобы при системах вращающихся были бы предупреждены чрезвычайно вредные задержки от заедания катушкою шнура и захлестывания язычков флагов. В этом отношении пользование мотками в умелых руках является весьма надежным способом, но, к сожалению, в мотках приходится пользоваться бзчовкою, а не ниткою, которая безнадежно запутывается; в системах катушечных можно пользоваться шнуром из 3 пеньковых или льняных ниток, представляющим собою достаточно прочное и весьма легкое приспособление; такой нитки на катушку входит большой необременительный

запас; четыре катушки такого шнура являются для большинства окладов запасом достаточным. Сырые флаги необходимо перебирать и просушивать после охоты.

На флаги не следует надеяться, как на каменную стену, а гарантию успеха необходимо прежде всего возлагать на правильное построение оклада, умелый выбор стрелковой линии и толковый гон, чтобы зверь, не коснувшись флагов, вышел прямо на номера.

Стрелковая линия и номера

В предисловии уже упоминалось о важной и ответственной обязанности окладчика по выбору стрелковой линии. Ответственна и важна эта обязанность потому, что на стрелковую линию, недолгую сравнительно с окружностью оклада, должен быть выставлен зверь; здесь должен, следовательно, получиться осязательный результат подготовки, выслеживания, складывания и гона, результат целого ряда действий, иногда длительных; на этой линии должен быть сделан по выставленному зверю выстрел, венчающий труды окладчика и охоту.

Далеко не всегда удастся выгнать зверя туда, куда хочется. Для успеха нужно не столько создать препятствия, удерживающие зверя от принятия нежелательных направлений, сколько и прежде всего по возможности открыть зверю дуть, для него наиболее приемлемый и в то же время ведущий на стрелковую линию, находящуюся в условиях, скрытых от зверя опасность. Поэтому далеко не всегда можно выбрать; в качестве стрелковой линии ту, которая представляется по некоторым признакам или причинами наилучшей, так как часто она не соответствует совокупности всех условий или по крайней мере наиважнейшим.

Выбор стрелковой линии должен быть согласован со следующими требованиями: 1) с ветром, 2) с ходом и лазом зверя, 3) с нагонистостью оклада (см. главу «Оклад»), 4) с возможностью видеть хоть накоротке подход зверя, 5) с необходимостью хоть смутно видеть соседние номера и точно знать их местонахождение и 6) с желательностью в большинстве случаев не подпирать номерами опушки и не отдаляться от нее на расстояние, нередко вызывающее боязнь зверя отделиться от леса.

Перейдем к рассмотрению по порядку необходимых и желательных требований, только что перечисленных, относящихся к выбору стрелковой линии.

Оклад бывает еще не закончен, круг не сомкнут, а окладчик, проходя мимо места, которое словно само называет себя лазом, жадно посматривает на верхушки деревьев, на ветки, бросает перед собой горсть снега, с целью точно определить направление ветра или тяги воздуха. В деле зверовых охот согласование стрелковой линии с направлением ветра должно быть условием, никогда не забываемым ни одним мало-мальски сносным окладчиком, так как несоблюдение известного сочетания в направлении ветра и стрелковой линии влечет за собою неудачу, в лучших случаях удача может быть лишь

случайна, как исключение. Все хорошо: и ход, и лаз выбраны правильно, и гон недурен, и стрелки защитны и выдержаны, а зверь, потоптавшись, не доходя опушки, не идет на лаз, словно он видит всех стрелков со смертоносным оружием, направленным на него. Зверь более чем видит—он чует затаившихся стрелков, а когда зверь чует человека, он никогда не рискнет приблизиться к нему; между тем иногда, когда зверь видит человека, то, рассчитывая на быстроту и ловкость своих движений, пронесится напролом на расстоянии выстрела. Как же после этого не соблюдать благоприятного направления ветра по отношению к стрелковой линии? Недаром мы так много обращаем внимания на ветер при определении чутья легавой собаки или желая использовать в! полной мере ее чутье во время охоты. Не большее ли значение имеет ветер для зверя, разыскивающего пропитание часто благодаря чутью и всегда старающегося чутьем охранить себя от опасности? Этот орган чувств служит зверю для обеспечения своего существования и для самосохранения.

Каждому внимательному и наблюдательному охотнику ясна разница причувывания легавую собакою птицы против ветра, когда запах птицы плывет с воздушным; течением на собаку, и трудность причувывания по ветру, когда запах птицы относится ветром от собаки. В первом случае собака, в зависимости от качества и свойства чутья и характера ветра (ровный, не слишком сильный, делает стойку по затаившейся птице на расстоянии приблизительно 5—40 метров, во втором случае она может вовсе не сделать стойки, не зачуть и нарваться на птицу, или же в лучшем случае остановиться не далее приблизительно 1—5 метров. Такая колоссальная разница слишком ясно показывает на значение как пособника аппарату чутья.

Этого достаточно, чтобы понять, насколько полезно гнать зверя против ветра на стрелковую линию. Если обратиться к другой стороне работы опытной легавой, к манере ее поиска, то мы, несомненно, с охотничьей точки зрения одобрим сознательный поиск, т. е. такой, который главным образом приспособливается к ветру, ставит себя в положение наилучшего использования чутья. Понятно, что зверь, идущий настороже, пользуется для предупреждения опасности или обнаружения добычи не только слухом, зрением, но и чутьем, ибо ни один из этих органов чувств в отдельности не в состоянии заменить другого, . Для зверя, идущего от гона, особенно в лесу, чутье, является органом необходимым; зрение, благодаря заслонам, не в состоянии заметить скрытый предмет, остро, однако, замечая малейшее движение какого-либо предмета. Это положение несомненно и бесспорно указывает, что зверь старается при ходе настороже выбрать направление благоприятное для чутья, и если имеются угрозы в стороне выбранного направления в виде крика загонщиков или линии флагов, зверь выбирает следующее, способствующее все же чутью; только препятствия заставляют зверя следовать по невыгодному направлению, парализующему действие чутья на расстоянии, т. е. ход по ветру.

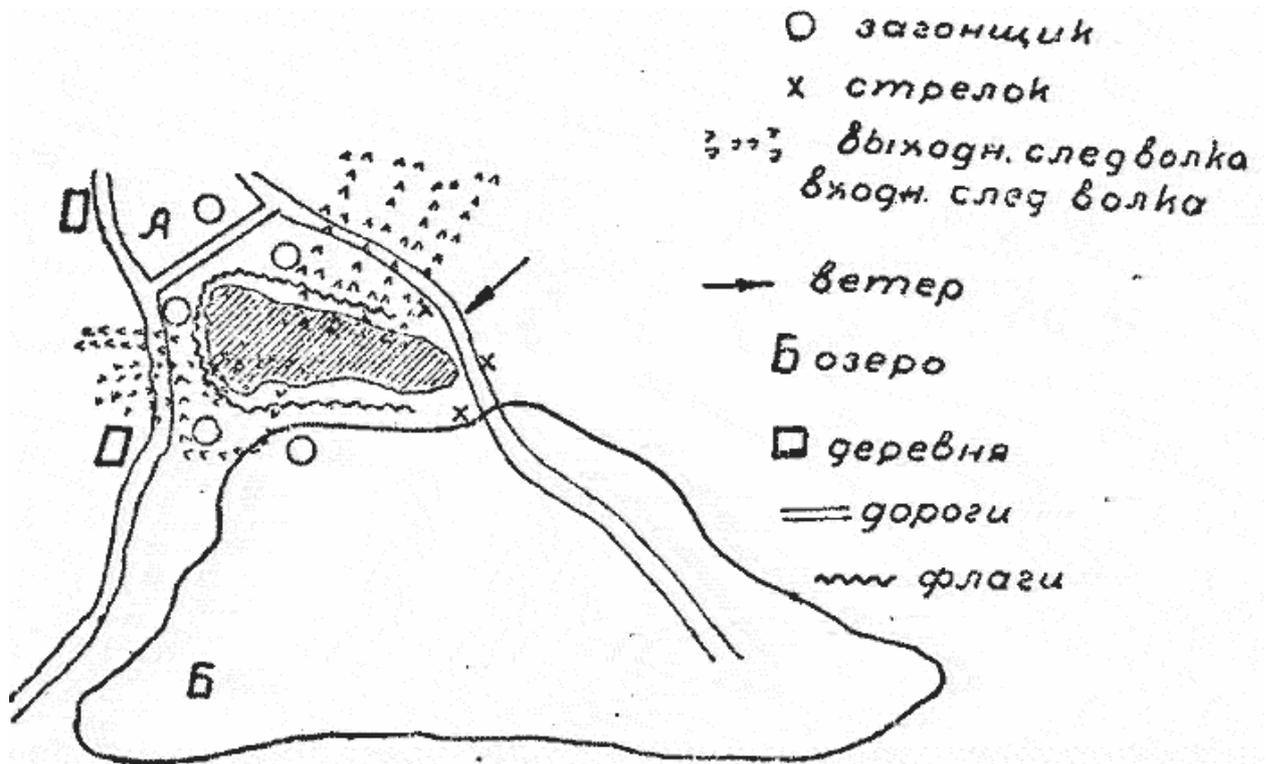

Рис. 27

Из приведенного положения не следует, однако, делать (вывода, что зверя нельзя гнать, по ветру на его ход и лаз; многое зависит от характера оклада, количества загонщиков, хорошего проведения линии флагов, расположения входного следа и главным образом от индивидуальности зверя. Надо при этом принять во внимание, что не каждый зверь заподозревает засаду впереди (на стрелковой линии), что гонят зверя на его ход и лаз, правда, испорченный направлением ветра, что зверю естественно подвигаться, отдаляясь от загонщиков, что в пределах площади оклада зверь идет не только прямой линией от загонщиков, но принимает и поперечные направления и несколько вдающиеся назад и, следовательно, порою ставит себя в окладе и в благоприятные по отношению к ветру условия и что в конце концов зверь не имеет плана оклада с указанием места расположения стрелковой линии. На рис. 27 приведен описанный в одном из номеров «Охотничьей газеты» (за 1928 г.) случай неудачной волчьей охоты, подтверждающий, как и все подобные случаи, последствия Недопустимого пренебрежения направлением ветра

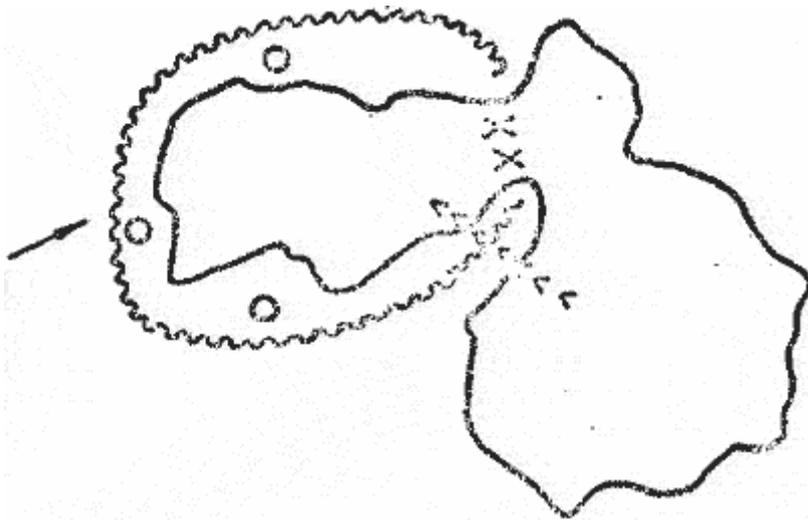

Рис. 28 Оклад, выгодный для гона по ветру

Зверя бывалого или матерого, а также немолодого одиноца гнать по ветру не следует.

На основании приведенных соображений по поводу использования направления ветра можно установить: 1) что стрелковые номера и, следовательно, начальные от стрелков флаги должны быть расположены по отношению оклада таким образом, чтобы воздушные течения не шли бы от них в оклад, 2) что ветер или тяга прямо на стрелковую линию — попутные для зверя, не всегда приемлемы и 3) что при гоне бывалого матерого и вообще очень осторожного зверя наиболее благоприятным надо признать ветер боковой — поперек оклада (считая фронтом стрелковую линию).

Для уяснения желательности поперечного ветра при гоне полезно разобрать его преимущества перед другими направлениями; преимущества с точки зрения охотника, как способные сохранить в звере относительное спокойствие. Наилучший поперечный ветер тот, который идет параллельно стрелковой линии, прямо от одного из флангов, но он вполне приемлем, если образует некоторый угол с линией стрелков, чем острее, тем лучше, так как угол тупой, приближающийся к углу прямому, в конце концов будет близок к попутному ветру, который мы уже признали для зверей бывалых не совсем желательным.

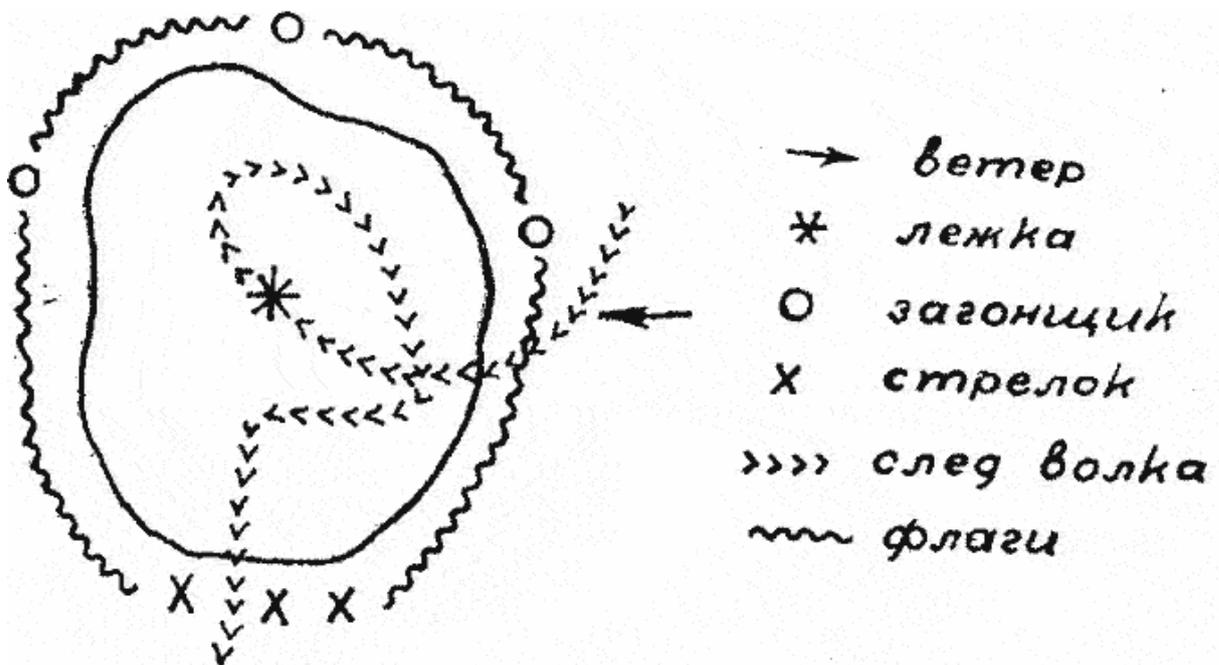

Рис. 29

Поперечный (параллельный линии стрелков) ветер, как видно наглядно из чертежа (рис. 29), создает следующие условия. Сзади—голоса загонщиков, которые, несмотря на величину оклада и условия погоды, всегда будут услышаны зверем с самого начала гона (хотя стрелки могут и не слышать их). Передвижение перекликающихся загонщиков, естественно, заставляет зверя двигаться, хотя бы и извилисто, по направлению к стрелковой линии; подвижка зверя от загонщиков к стрелкам дает возможность зверю, благодаря боковому ветру, осуществлять чутье хотя бы в сторону одного фланга, и если зверь продвигается на тот фланг против ветра, то своевременно предупреждается чутьем о флагах; таким образом, две стороны оклада—линия загонщиков и одна линия фланга, откуда дует ветер, стали направлениями, неприемлемыми для зверя; второй фланг, на который идет попутный ветер, невыгоден зверю, так как зверь не может прощупать чутьем достаточное пространство пути впереди; движение поэтому в эту сторону делается неохотно, а если делается, то с опаскою, и напряженное зрение своевременно обнаруживает там флаги; остается, следовательно, стрелковая линия, которая в данном случае является для зверя наиболее приемлемою, так как поперечный ветер дает все же возможность чутью распознать опасность хоть с фланга, подвигаясь все же вперед от приближающихся загонщиков.

В лесу, в середине, деревья часто недвижимы—ветра нет, однако, может быть тяга воздуха, чрезвычайно благоприятная для передвижения запахов без рассеивания. Направление такой воздушной тяги необходимо выяснить; полезно для этого в месте будущего расположения стрелковой линии бросить перед собой горсть снега, взятого рукавицею, чтобы он, не увлажняясь от тепла руки, лучше пылил. В тусклый день, чтобы яснее видеть облачко расплывающейся брошенной горсти снега, лучше следить за движением пыли на фоне хвои, а если ветки снежны, нужно сбить с них снег.

О важном значении хода и лаза можно судить уже по тому, что на возможности их предопределения основан целый способ охоты—псковского нагона; мощность же этого приема достаточно характеризуется тем, что один опытный пскович выставляет зверя на стрелка, отстающего иногда от места лежки зверя на расстоянии нескольких километров.

Мы уже говорили, что; и у человека имеется подсознательная способность не только в ориентировке, но И в выборе в сплошном лесу при окладывании определенных путей, которыми в другой раз другой человек по необъяснимым причинам следует также, будто этот путь является дорогою, тропинкой или просеком. Однородная способность помогает видеть и понимать ход и лаз зверя и приводит опытных лиц к одному и тому же точному определению хода и лаза зверя в одном и том же окладе и в разное время.

Стороною хода или ходом зверя считается то направление, которое зверь выбирает по причинам соответствия данного направления той или иной потребности зверя, т. е. итти ли на промысел, на готовую добычу, удалиться в укромное знакомое место на отдых или от опасности, а не то направить свой ход, хотя и обходным путем именно в определенную сторону, а| не в другую, вследствие удобства передвижения (пользование дорогами, возвышенностями, где снег не столь глубок, и т. д.). Сторона хода, следовательно, является приблизительным направлением зверя; и с этим: направлением; по возможности нужно считаться, помня уже высказанное положение, что бывалого зверя следует пытаться не переупрямить, а перехитрить. Ход зверя, как видно из только что сделанных пояснений, не есть путь зверя, а сторона его пути—направление, самый же путь мы называем лазом.

Человек не в состоянии предопределить весь будущий путь следования зверя, не в силах видеть этот путь, как! след по пороше, но способен Определить наиболее типичные его участки. Лазом поэтому принято называть точное место, которым зверь, вследствие удобства лесонасаждения, расположения заслонов вообще и по другим преимуществам выходит из опушки или переходит вообще из одного места в другое. Удобные места для выхода! и прохода зверя, т. е. лазы, могут быть расположены в нескольких местах оклада или какой-нибудь площади вообще, лаз может быть и единственным на всем данном участке, с другой стороны, все протяжении известной площади может представлять собою одинаково хорошие условия для лаза; иногда же лаз бывает узко ограничен, словно выход тропы, хотя не видимой, а только чувствуемой окладчиком. Лазы встречаются в разнообразных местах—и в редколесье, и в густом лесу, и в прогалинах между частыми насаждениями, И в ровной сетке чащи, и на полях, совершенно чистых, и со вкрапленным кустарником или группю деревьев. Хороший лаз сразу заметен глазу опытного охотника; лаз обычно позволяет своевременно заметить приближение зверя, лаз является своего рода приотворенною дверью, через которую зверь может и высмотреть и пройти; в местах, где полоса однородного лесонасаждения суживается, представляя нагонистое место, такое сужение часто служит лазом, так как зверь, идя настороже, предпочитает держаться однородных заслонов до их конца.

Лазы имеют общие признаки для всех видов зверей, однако, разный рост зверей, разное свойство характера и повадок их пред'являют к лазу каждого вида зверей свои некоторые особенности. В тех случаях, когда лаз по каким-либо причинам трудно определить или явные лазы находятся на стороне, неблагоприятной по отношению ветра, лучшим решением вопроса о лазе будет воспользоваться для расположения стрелковой линии стороною входного следа зверя. Так как лаз является более безопасным, выгодным и удобным путем, который зверь подсознательно избирает, то он может быть как на стороне хода, так и на любой стороне той площади, где находится зверь, и служит выходом, вынужденным или добровольным, для того, чтобы направиться прямо или обходным путем в сторону своего хода. Лаз на стороне хода зверя является, понятно, самым ценным, так как позволяет осуществить весьма важное основное положение: выставить зверя не силой, а предоставлением свободы в избрании своего хода и лаза.

Таким образом, распознавание лаза, как определенной до-роги—пути зверя, важно при всяком приеме охоты, а расположение стрелковых номеров на лазах имеет, понятно, большое преимущество. Зверь предпочитает мелкоснежье на своем пути и очень любит пользоваться переходами по полосе, с которой снег сдуло догола, поэтому при возможности выбора, зверь ведет свой лаз по местам, менее снежным. Лаз, особенно на полях, часто зависит от степени глубины снега на том или другом участке. Признаки глубины и рыхлости снега или уплотненности его и мелкоснежья окладчику необходимо принимать во внимание при выборе хода и лаза зверя в соответствующем месте. Низины при значительной толще и рыхлости снежного покрова не служат зверю надежным переходом; такие места помогают точнее выбирать лаз, сокращая площадь переходов зверя—уточняя их и увеличивая этим шансы выхода зверя на номер (см. рис. 33 в главе «Гон»).

Резкая возвышенность по сравнению с окружающей местностью, за исключением плоскогорий на значительном протяжении, не представляет собою хороших переходов, потому что способствует зверю обнаружить себя как при под'еме на возвышенность, так и на вершине ее; кроме того, самый переход в местность, представляющую собою иной уровень, изменяет силу и направление воздушных течений и вызывает некоторый перебой в работе чутья, т. е. создает невыгодное положение зверя. Большие надувы вдоль изгородей реже избираются зверем в качестве переходов, чем полоса вдоль этих надувов, тем более, что на местах напольных в последнем случае и изгородь и /самые надувы представляют собою заслон.

Иногда под влиянием непредвиденных причин зверь вдруг отказывается от обычного типичного лаза и неожиданно делает переход по непредусмотренному месту.

Зверь, находящийся на ходу, особенно стронутый с лежки после прохождения по разнообразной местности, входит иногда неожиданно в лесную крепь; далеко не всегда поведение такое предвещает лежку. Обход окладчика часто в таких случаях не удается, так как нередко исключительной целью захождения зверя в плотную лесную площадь является потребность зверя выслушать, не преследуют ли его, или пропустить по дороге преследователей, которые далеки от мысли, что зверь все время слышит неотвязчивый скрип полозьев; в таких случаях лазом зверя чаще всего бывает его входной же след; этим следом окладчику надо воспользоваться, чтобы расположить наскоро стрелковую линию на стороне входного следа и, не пользуясь ни флагами, ни загонщиками, за-бежать вглубь участка, чтобы молча двинуться на стрелков.

Лазом зверя, имеющего повадку ходить тропой или пользоваться своим входным одиночным следом, надо всегда считать такую тропу или след.

Не касаясь согласования выбора стрелковой линии с требованием нагонистости оклада, так как об этом свойстве оклада достаточно подробно говорится в специальной главе об окладе, перейдем к следующим требованиям, пред'являе-ным к стрелковой линии.

Условия, пред'явленные к выбору стрелковой линии относительно необходимости хотя бы смутно видеть соседние номера и точно знать их местонахождение, а равно видеть хоть накоротке подход зверя, должны быть в равной, если не в большей степени, пред'явлены к выбору самого места (номера) для стрелка. Очень часто отступление на каких-нибудь 2 шага вправо, влево, назад или вперед дает громадное преимущество в достижении приведенных пожеланий видеть то, что надо видеть; для достижения этих условий приходится иногда сократить или увеличить расстояние между отдельными номерами, благодаря чему может получиться та выгодная группировка деревьев, которая создает

необходимые между ними просветы, столь полезные для своевременной подготовки к выстрелу и для выстрела в тот нужный миг, пропустя который лишаешься иногда добычи.

Когда лесная площадь кончается—граничит с чистью либо переходит в редколесье, расположение стрелков в самой опушке весьма невыгодно, так как зверь при приближении к границе прекращения заслонов или к их значительному поредению принимает «большие меры предосторожности, настораживая все средства для самосохранения. "Требование не отдалять стрелковую линию от опушки основано на встречающихся случаях, когда зверь, решившись на выход из опушки из опасения отделиться от нее и лишиться, таким образом, заслона!, поворачивает вдоль нее, нередко исчезая обратно и безвозвратно в оклад. Такие случаи, естественно, выдвигают: вопрос о том, каково же предельное расстояние, дальше которого нежелательно отодвигать номера от самого оклада? Ответ на этот вопрос несложен: не дальше среднего дробового выстрела, за исключением случаев занятия стрелками совершенно точного перехода.

Стрелок должен стоять за заслоном, в крайнем случае можно замаскироваться специально заранее срезанным для этого деревцем, о чем окладчик должен своевременно позаботиться. Заслон отнюдь не должен быть широк, слишком густ и высок; благодаря такой маскировке можно скрыть от себя не только выход зверя, но и не увидеть зверя; необходимо тщательно осмотреть, чтобы заслон не препятствовал зрению хотя бы тонкими сочленениями! веток, а равно не мешал бы продвижению или переводению ружья с одной стороны на другую.

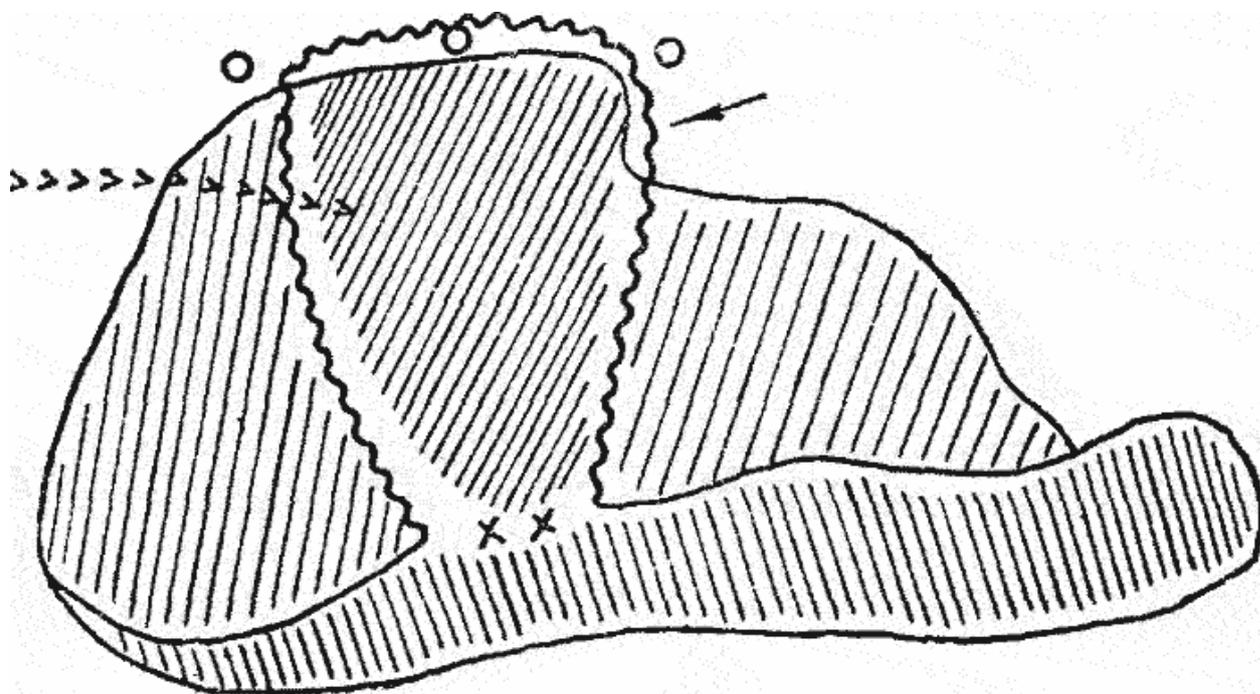
Заслоны особенно нужны, когда одежда стрелков резко различается цветом от окружающей обстановки. При одежде, - не выделяющейся пятном на фоне леса, легче найти незначительное и вполне подходящее прикрытие, которое позволяло бы удобно и спокойно видеть и впереди, и по бокам. Уместно, однако, здесь заметить, что не столько одежда, сколько умение стрелка стоять на номере скрывает его от зверя.

Не следует ставить стрелка за ствол дерева—это преда-тельский заслон; зверь может подойти на самое близкое расстояние и, зачуяв человека, броситься незамеченно обратно от самого номера, продолжая заслоняться тем же деревом, как и стрелок, который узнает о сделанном ему визите лишь после выхода окладчика. Ставить стрелка за отсутствием другого заслона следует либо сбоку дерева, либо спереди, замаскировавшись заранее приготовленными ветвями.

При выборе места для номера окладчик должен зорко осмотреть площадь обстрела, так как нередко образовавшиеся наметы снега, волнистость и выпуклость снежного покрова, навес на кустах и деревьях могут совершенно заслонить зверя или значительно скрыть его, делая стрельбу невозможной или неверной; даже незначительные кочки, незаметные под оболочкою снега, и те способны скрыть лисицу от стрелка.

Расстояние между стрелками должно удовлетворять двум требованиям—ясному охвату зрением площади обстрела и возможности покрыть интервалы между стрелками двумя средними дробовыми выстрелами, чтобы зверь не мог пройти между номерами. Расстояние это может быть изменено до пределов, какие будут продиктованы условиям и в которых протекает охота, например, слишком густое насаждение, недостаточно прямая стрелковая линия, большое количество прибывших стрелков или напротив недостаточное и незначительное количество их, необходимость занять только определенные лазы и т. д.

При охоте в густом лесу расстояние между номерами в большинстве случаев выгоднее сокращать до пределов в два ближних выстрела, что приблизительно будет равняться 40—50 шагам, по 20—25 шагов на выстрел с того или другого номера. Никогда не следует скупиться на близкие расстояния между номерами, если именно этим достигается возможность ясно видеть друг друга. Эта предосторожность не должна забываться окладчиком.

//// редколесье	~ флаги
//// част. хвойн. лес	→ ветер
xx стрелки	o загонщик

Рис. 30

Номера намечаются прежде всего на лазах; в большинстве случаев их следует размещать в местах, не представляющих резкого контраста с окладом, за исключением мест обрезных или напольных.

При наличии молодых зверей в окладе заслоненность перехода является условием необходимым.

Идеально, когда стрелковая линия может быть выбрана в соответствии со всеми теми требованиями к ней, которые только что были перечислены и разобраны. В качестве примера на рисунке 30 изображен оклад, соответствующий этим требованиям.

Совокупность всех желательных условий встречается далеко не всегда, поэтому волей неволей приходится выбирать стрелковую линию в соответствии с наиважнейшими

условиями, жертвуя остальным. Выбирая стрелковую линию, нужно не гадать, т. е. не действовать безрассудно, а знать, какие условия наиболее верны для достижения успеха.

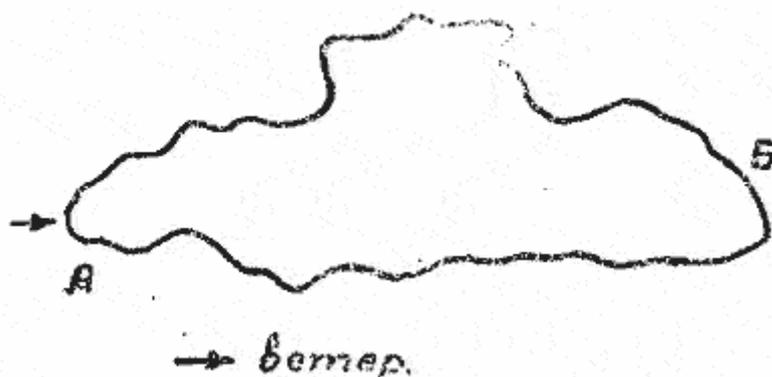

Рис. 31

Условие соответствующего ветра должно быть сохранено во что бы то ни стало; затем при охоте с флагами следует дорожить нагонистостью оклада и по возможности ходом и лазом. Обычно лаз при облавной охоте и охоте с флагами — важнее хода, однако, вопрос этот правильнее разрешать на месте, в зависимости от характера оклада, местности и индивидуальности зверя.

При выборе стрелковой линии в одном определенном месте оклад может получиться нагонистым, при переносе же ее на противоположную сторону оклад может сделаться ненагонистым; в этом случае, как ни важна нагонистость, тем не менее приходится ею жертвовать, если препятствием выбора стрелковой линии на нагонистой стороне служит ветер (см. рис. 31).

При псковском способе требования к ветру, ходу и лазу одинаково важны и нераздельны.

Прямые или дугообразные стрелковые линии желательны по соображениям безопасности стрельбы, но часто по обстановке и форме оклада линию приходится сломать под тем или иным углом; такие углы создают иногда некоторые условия нагонистости. Пренебрегать углом на стрелковой линии или опасаться его не следует, если он создается формой сделанного оклада или местностью и отвечает требованиям целесообразности по соображениям добычливости.

На неперменной обязанности окладчика лежит предупреждение соответствующих номеров о переломе линий, с указанием смежным номерам о месте, занимаемом каждым, и об образовавшемся благодаря углу изменении в обычно допустимых направлениях обстрела.

Гон

Это последнее, волнующее и фронт загонщиков и фронт стрелков действие положительно захватывает страстью все внимание обеих действующих сторон, но действенная роль окладчика и его помощников заставляет именно их переживать не только чисто охотничье волнение, но и понятное мучительное профессиональное беспокойство за благоприятный результат напряженного труда, плоды коего нетерпеливо ждут на-сторожившиеся стрелки, к сожалению, нередко оценивающие работу окладчика с точки зрения своего успеха.

Под гоним следует подразумевать не механическое прохождение оклада по направлению к стрелковой линии, но возможное управление ходом зверя при отклонениях его от прямого пути, а равно выправление линий оклада особым соответствующим размещением загонщиков и иногда индивидуальную роль каждого. Порою один из загонщиков первоначально размещается в пределах оклада, другой раз он начинает гон, отдалившись от оклада; в зависимости от линий оклада один из загонщиков иногда должен находиться много впереди или позади по отношению к месту положения второго загонщика на другом фланге и т. д.

При определении величины оклада указывалось, что слишком маленький оклад нежелателен, так как присутствие людей на незначительной площади, где находится зверь, может слишком устроить его, а выведя из равновесия, заставить опрометью броситься в любую сторону от крика и значительно легче прорваться из оклада, благодаря панике. Таким образом, приняв во внимание, что человек представляет собою достаточно страшное для всякого зверя существо, окладчик должен иметь это в виду и по возможности подготовить зверя к отдаленному нахождению людей, о которых зверь не подозревал. Зверь часто слышит, а иногда и видит с лежки проезжающих по дорогам людей и привыкает к ржанию лошадей, и к поскрипыванию телег, и к стуку колес, и к визгу полозьев, и к понуканию лошадей, и к отдельным выкрикам или разговору проезжих, причем все эти звуки протекают постоянно по определенному направлению в ту или другую сторону, не сходя с этого направления, и тонут постепенно •вдали. Нередко зверь слышит во время своих переходов или с лежки и стук топора дроворуба. Привыкнув к этим звукам, не вызывающих никаких беспокойных последствий, зверь понимает, что они произведены не специально против него; тут он считает себя невидимым свидетелем происходящего. Другое дело—крик, при встрече со зверем, махание руками или ука-зывание на зверя, а тем более приближение к нему. Такие крики зверь отличает, как крики по зрячему, а зверь именно и боится быть замеченным. Находясь близ самой дороги, в сетке мелкоколосья, зверь способен наблюдать за проезжими, но стоит только проезжему обнаружить какими-либо действиями, что зверь им примечен, как последний в тот же миг пускается наутек.

Из приведенных примеров того или иного отношения зверя к проявлениям человеком своего присутствия ясно, что внезапное обнаружение зверем человека вне дорог в том участке, где находится зверь (да еще крики словно по зрячему), могут заставить зверя вскочить с лежки и замахать, не останавливаясь, не выбирая обычного хода и лаза. При таком устрашении думать об управлении ходом зверя не приходится. Стронуть зверя с лежки надлежит, подготовив его предварительно звуками, которые он не считает враждебными. Полезно постучать до деревьям, переговариваться между собою, отдаляясь от оклада, если размер его невелик, ослабив или усилив звук голоса, в зависимости от условий погоды, снежного навеса на деревьях и направления ветра. Принятие таких мер предосторожности помогает взять и бывалого зверя, не доводя его до паники.

Обычно при окладах нормальной величины и удобной сравнительно формы загонщики располагаются полукругом (неводом) и идут ровно, не торопясь, не нарушая построения до самой стрелковой линии; при встрече со следом зверя загонщик в нужных случаях сообщает окладчику.

Окладчик управляет ходом своих помощников, изменяя принятое ими направление, ускоряя или замедляя их движение, при посредстве их, когда гонный след зверя направляется к тому или другому флангу, заворачивает зверя к стрелковой линии. Опыт помощников играет большую роль, так как, понимая дело, помощник может сам принимать соответствующие действия, не дожидаясь распоряжения окладчика.

Во время продвижения загонщики сообщают друг другу нужные сведения, мерно «погопывают», усиливая крик только по распоряжению окладчика.

Не всегда, однако, приходится довольствоваться шаблонным гоном, как не всегда удаются оклады удобной формы бб и с соблюдением всех условий выбора стрелковой линии; не всегда встречаются и нормально реагирующие на шаблонный гон звери. Оклады с трудными очертаниями нередко удается подправить проведением корректирующих линий флагов. То же исправление неудобных по форме окладов удается иногда соответствующим размещением загонщиков, более быстрым продвижением одного из них при неподвижности другого, усилением крика в одном пункте, в сосредоточении сил в определенном месте оклада и т. д.

Помимо основного значения загонщиков как силы, заставляющей зверя выйти из того участка, где он находится, и их задачи по управлению ходом зверя и приведенной только что возможности, исправления особыми приемами линий оклада, опытному окладчику приходится порою, кроме того, проявлять так называемое мастерство. Мастерить—значит применять разнообразные способы гона с целью не переупрямить, а перехитрить бывалого зверя или справиться вообще с задачей сложной, благодаря недостатку загонщиков, стрелков или неблагоприятной форме оклада. В качестве одного из примеров применения окладчиком мастерства приводится случай, изображаемый на рис. 32.

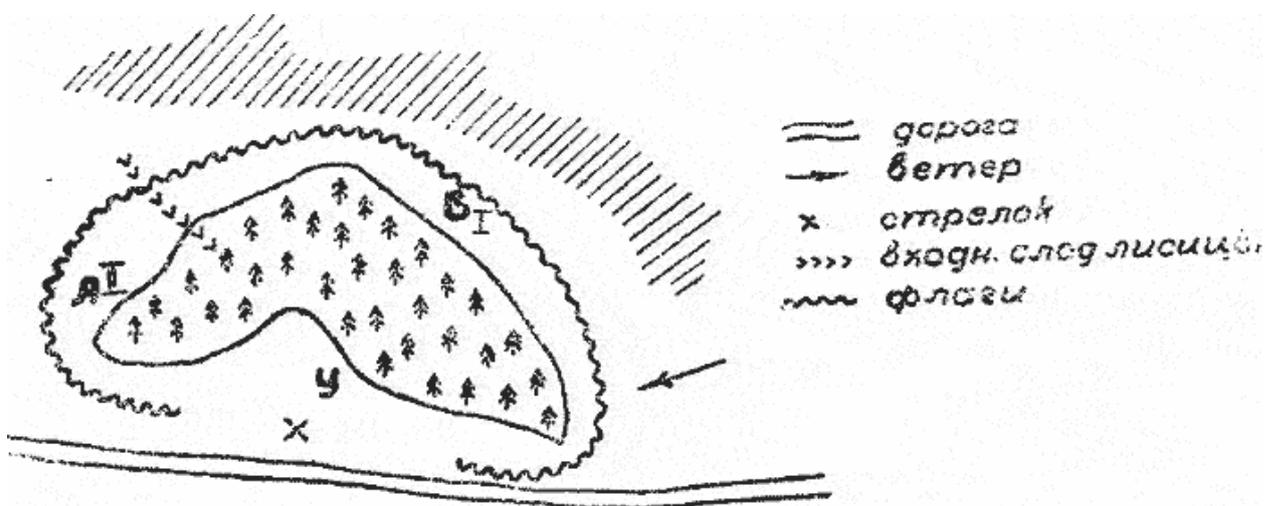

Рис. 32

На рисунке изображен оклад (смешанное мелколесье с преобладанием ели и березы); оклад расположен на возвышенности; окружность его около 0,5 километра; наличный персонал состоит всего из одного окладчика и одного стрелка; вокруг оклада, со стороны,

противоположной дороге, широкая поляна—низина кольцом; обложен на ходу довольно крупный лисовин; флаги на поляне протянуты (сброшены) по поверхности снега; флаги от стрелкового номера подвешены, но линия их расположения неправильна—«стенкою»; неправильность эта вынужденная, вследствие недостаточного количества стрелков и в данном случае терпима, благодаря доснижению обстрелом линии в окладе за опушкой; оклад, как видно из чертежа, состоит из двух слитных частей—большой площади (I) и придатка (II); ввиду такого характера оклада, расположение стрелка в указанном месте является наиболее выгодным, как позволяющее охватить наибольшее количество вероятных лисьих переходов; стрелок может обстрелять линию ближней опушки перед собою и за нею и значительную часть поляны с кустарником впереди себя и к флангам. Окладчик начал покашливать, а затем и «потопывать» под склоном придатка (II) в точке «4», чтобы отбить лисицу в основную часть оклада (I) или заставить ее выйти из придатка (II) на поляну слева от стрелка, в том случае, если лисица задержалась в этой части; затем окладчик поднялся поближе к придатку (II) и снова отошел к точке «А»; по прошествии нескольких минут окладчик, ввиду отступления выстрела, перешел по низине в пункт «Б» и проделала там то же; когда выстрела не последовало и после этих стараний, то он перешел в точку «В» и, покричав в низине, медленно направился по поперечной линии в оклад; после того, как окладчик достиг примерно третьей части поперечника оклада, лисица показалась на опушке оклада (I)» держа направление против ветра вдоль опушки к сужению (к мыску); и была убита в месте, означенном лит. «У».

Много бывает случаев, когда окладчику и загонщикам приходится проявлять мастерство; некоторые из них были: приведены уже в главе о влиянии на поведение зверя его «бывалости».

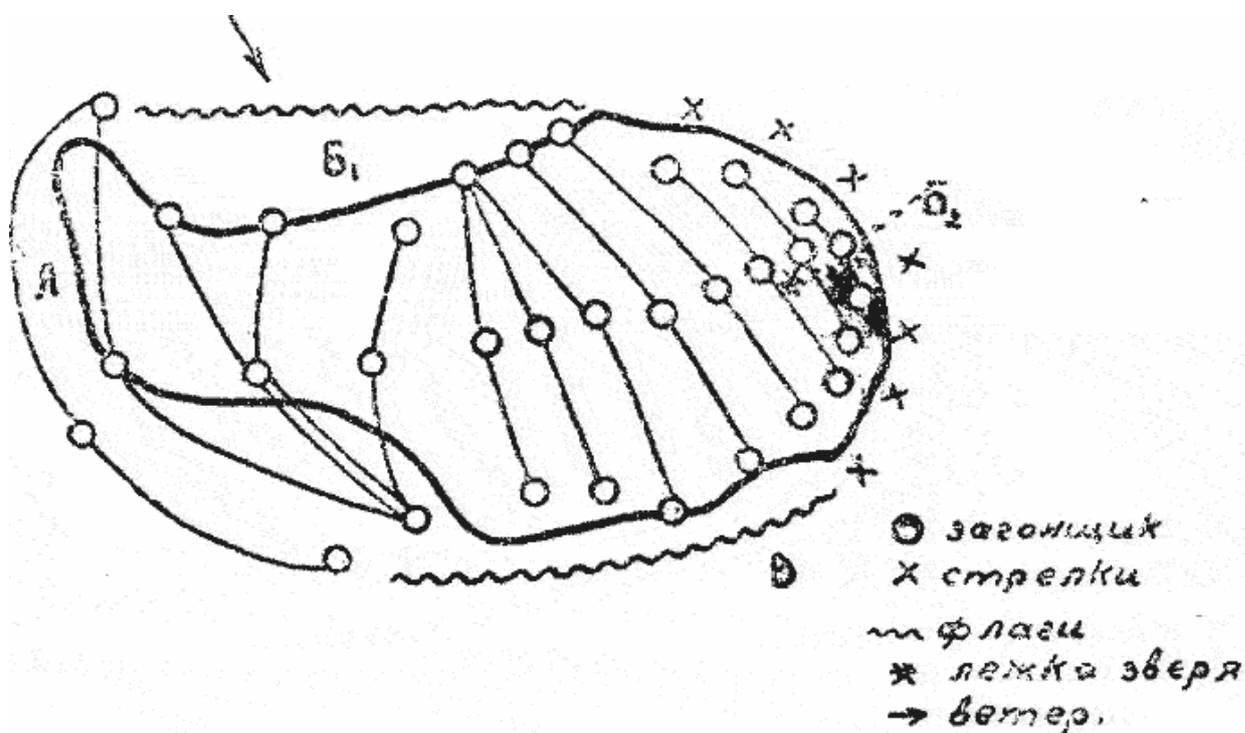

Рис. 33

На рис. 33 показаны те последовательные позиции, которые постепенно занимает окладчик с 2 помощниками до и после продвижения в окладах, выравненных как флагами. так и расположением загонщиков (окладчиком и 2 помощниками). В данном случае управление ходом зверя ведется окладчиком исключительно правильным охватом

площади оклада линиями гона, без руководства гонным следом зверя, так как след этот пересек ход окладчика уже близ стрелковой линии.

Каждое продвижение на новую позицию хотя бы одного загонщика показано на рисунке соединительной чертой, которая в то же время выявляет охват загонщиками полосы оклада. Первоначально все трое стоят, отступя от оклада, так как такое положение дает лучшую дугу, способствующую выравниванию выступов оклада и облегчающую возможность отбить от них зверя. Первое продвижение сделано двумя загонщиками, загонщик же на линии «0Б1» остался на месте, так как выступ оклада слишком рискованный и может способствовать прорыву запутавшегося там зверя. Все дальнейшие подвижки преследуют ту же цель равномерного охвата площади оклада:.

На рисунке 34 изображены согласованные подвижки окладчики с помощниками и управление ими ходом зверя по следу. Для наглядности охватываемых ими линий интервалы между окладчиком и помощником соединены чертой; каждое продвижение их указано последовательными цифрами.

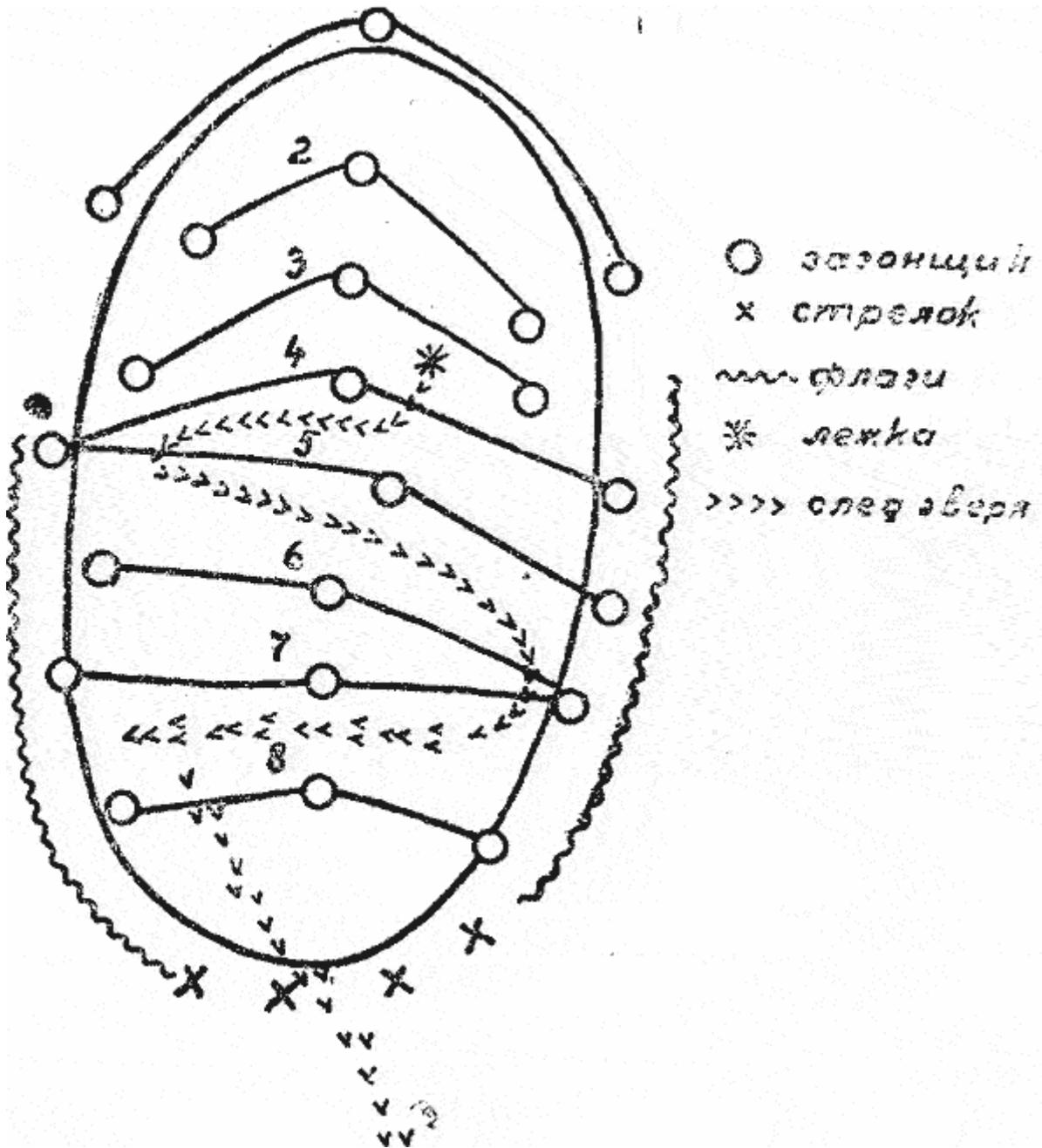

Рис. 34

В положении № 4 (рис. 34) окладчик (средний загонщик), увидев след зверя с лежки, круто направившийся на левый фланг (считая фронтом стрелковую линию), дал знать об этом левофланговому помощнику, который поспешил к флагам и остановился между линией оклада и флагами, сообщив в свою очередь, что следа не пересекал; когда в положении, означенном № 5, окладчик увидел, что зверь, отбитый от левого фланга, пошел на правый, он передал об этом правофланговому, поспешившему вперед по полосе между окладом и флагами; заняв положение № 6, которое не позволило дальнейшему направлению зверя на фланг, и обнаружив ход зверя на ярыжках поперек оклада, этот загонщик передал об этом окладчику, а последний через левофлангового повернул зверя на стрелков.

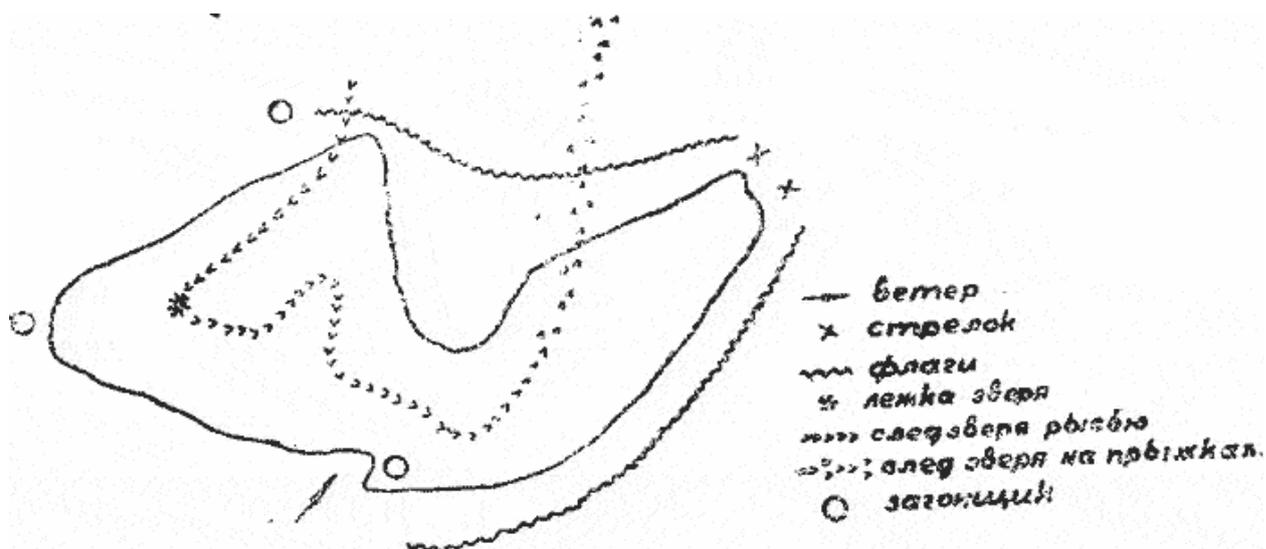

Рис. 35

Необходимо остановить внимание и на случаях, когда вместо исправления трудных линий оклада соответствующим расположением загонщиков, — позиция загонщика оказывается совершенно неправильной и влечет за собою неудачу. На рис. 35 показана неправильная позиция левофлангового загонщика, расположенного слишком далеко от среднего загонщика по длинной дуге фланга и, кроме того, к чему-то внутри оклада в одном из узких мест, да еще по ветру. Зверь с лежки пошел сперва к правому флангу покойным аллюром, затем повернул прямо на левофлангового и, очевидно, зачувяв его, испуганный сильным криком (вдобавок по ветру), перешел на махи и прорвался.

На рис. 36 показан случай, свидетельствующий, насколько появление внезапного препятствия или опасности, хотя бы и отдаленной, но на стороне хода зверя, влияет на изменение перехода. Волчица (переляк) стреляная, но не раненая в лесном окладе, избегала после этого лесные заросли и жила исключительно на полях, днюя на самых открытых местах.

Однажды волчица, потревоженная проездом в одном поле, перешла на глазах в другое, изображенное на рис. 36. Приняв во внимание, что быстрым обездом по дорогам с двух сторон зверь мог быть захвачен в кругу, стрелки расположились на дороге «А—Б». Ввиду того, что слева находилась деревня, а справа полоса леса, которого, как было сказано, зверь избегал вообще, и что некоторая площадь впереди представляет собою низменности с более глубоким рыхлым снегом, а вся остальная площадь более возвышенная и сравнительно мелкоснежная, номера (которых в распоряжении было всего 2) заняли наиболее верные лазы на расстояния шагов 250 друг от друга!; ни фланги, ни занавесы не применялись. На поле кое-где вкраплены кустарник и отдельные деревья. Волчица иногда хорошо была заметна, иногда она скрывалась за подгорье. Идя от загонщиков, она остановилась на возвышенности в месте, где следы ближе всего сходятся (точка «О»); высоко подняв голову, она пристально смотрела в течение нескольких минут по определенному направлению к деревне; стрелки заметили настороженное внимание зверя и, заинтересовавшись, увидели на дороге в месте, озадаченном звездочкою, стоящую женщину, которая, очевидно, в свою очередь, заметив волчицу, а может быть и стрелков, не решалась двинуться ни вперед, ни обратно; в деревню; наконец, волчица пошла, но как видно из рисунка, свернула к лесу и пересекла дорогу «А—Б» вдоль лесной полосы в 125 шагах от стрелка. Расстояние от места, где волчица остановилась в точке «О» до места нахождения прохожего (звездочка), не менее 600—800 шагов. Этот случай наглядно

указывает, насколько появление человека даже на таком расстоянии влияет на ход зверя при нагоне его на открытых местах.

Не мешает еще упомянуть в этой главе о довольно важном в сущности обстоятельстве, которому иногда не уделяют достаточного внимания, действуя на авось. Под этим обстоятельством подразумевается время, оставшееся до наступления сумерек. Окладчику совершенно необходимо сообразоваться с тем—успеет ли он справиться с гоним до наступления сумерек, т. е. до того периода времени, когда верность выстрела становится сомнительною, а она является, безусловно такою, как только снег станет казаться серым. Окладчик обязан в таких случаях предложить стрелкам не начинать охоты.

После выстрела

Во время складывания и гона работа окладчика особенно напряженна и ответственна; к тому же она часто бывает и весьма тяжелой: лыжи глубоко оседают в рыхлый снег, приходится лавировать в хвойной чаще, каждая иголочка густо запудрена снегом, на каждом сочленении дерева висят снежные пласты и комья, которые при малейшем неизбежном прикосновении осыпают снегом нагретую разгоряченным телом одежду, немало попадает снежной осыпи и за шиворот. Всякие встречаются места, приходится карабкаться по ветровалу, лыжи разрезаются, одна попадает под упавшее дерево, другая зарывается в снежную пустоту. И все же, при всех физических затруднениях окладчик ни на секунду не должен отвлекать своего внимания от гона он напряженно следит за равномерностью подвижки своих помощников, переключаясь с ними, получает от них сведения и зорко приглядывается к встречающимся следам.

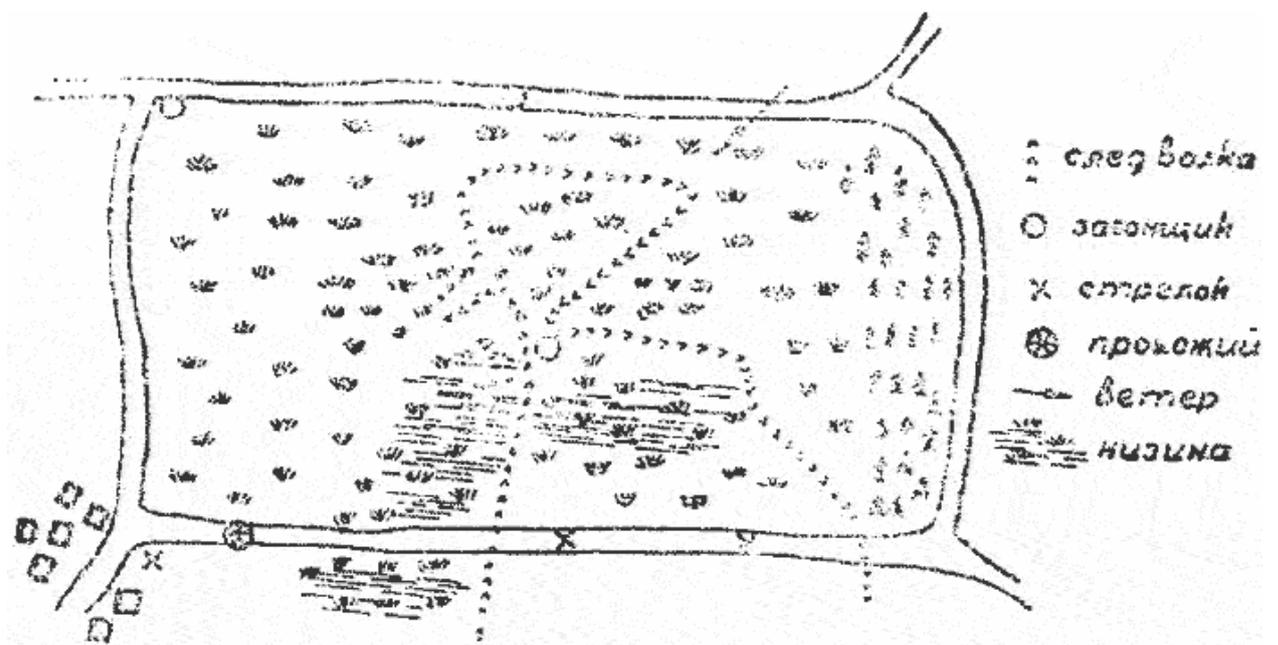

Рис. 36

Понятно, что когда на стрелковой линии раздается выстрел, он несет облегчение окладчику и его помощникам. Однако не всякий выстрел возвещает о скором окончании работы. Не все стрелки обладают выдержкой, опытом и умением владеть оружием. Недаром, услышав выстрел, окладчик подумывает: «пудель», убит или пущена кровь?

Обязанности окладчика не всегда прекращаются вскоре после выстрела и окончания гона.

Чтобы узнать, какая работа предстоит окладчику впереди, ему надлежит по выходе на стрелковую линию немедленно выяснить: все ли звери вышли на линию стрелков, на какие номера, каковы результаты выстрелов, какого пола и возраста убитые или стреляные звери, и если зверь ушел, то за линию ли стрелков, обратно ли в оклад или же через флаги.

Хорошо, когда все обложенные звери оказываются взятыми, тогда остается лишь забота собрать совместно с помощниками флаги. Если же на линию выставлены не все обложенные звери или же выставлены, но взяты не все, то работа окладчика продолжается и расчленяется.

Когда на линию вышли не все обложенные звери и окладчик и помощники его во время гона не обнаружили прорыва зверя через флаги, а равно если вышедшие на стрелков вновь вернулись в круг, то окладчику следует с помощниками немедленно проверить круг, одновременно с двух сторон; при этом весьма полезно относительно раненого зверя знать, имеется ли на следу кровь, так как этот признак может оказать незаменимую помощь для отличия такого следа от имеющихся уже в окладе многочисленных следов. При проверке оклада стрелки остаются на своих местах, ожидая возможного выхода зверя.

Когда вернувшийся обратно со стрелковой линии зверь остался (задержался) в окладе или вовсе не выходил на стрелковую линию—затаился (зажался) в том окладе, надо пытаться вновь выставить зверя. В таких случаях целесообразнее избрать новую стрелковую линию, которую окладчик должен на всякий случай наметить во время проверки оклада, после первого гона.

Затаившегося зверя, побоявшегося выйти на линию, расположенную на сравнительно чистом месте, не сливающимся с зарослями оклада, безусловно нельзя гнать на те же номера, так как боязнь зверя такого места усилилась. Затаившегося зверя выгоднее направлять на его входной след и во всяком случае нужно расположить стрелковую линию по довольно частому лесонасаждению или по редколесью с хорошим подсадом. При всем этом надо помнить, что обычно затаившийся зверь прорывается из оклада вскоре после прекращения первого гона, очень часто при проверке оклада. Поэтому с перестановкою стрелковой линии надо спешить во всю, конечно, не сломя голову, а толково, твердо выяснив предварительно план действий.

Если в окладе задержался раненый зверь, его следует гнать, в большинстве случаев придерживаясь тех же вышеописанных условий выбора стрелковой линии. Гон (продвижение) необходимо вести медленно, обследуя оклад поперечными линиями, обращая особое внимание на чашу. Гнать как затаившегося, так и раненого зверя, лучше без крика, а лишь передавая друг другу необходимые сведения и распоряжения; окладчику, особенно при гоне раненого зверя, необходимо держаться следа; поперечные по окладу линии должны быть доведены до самых флангов; при входе зверя в чашу, при основательных данных о том, что зверь там зажался, окладчик стягивает силы к такому месту; нередко достаточно вытолкнуть зверя из ухоронки, дать ему понять, что он обнаружен, и он без дальнейших намерений затаиться направляется на ход.

Если зверь прорвался невредимым через стрелковую линию, через флаги или на крик, (то такого зверя (если до темноты времени еще порядочно) надо стараться вновь об'е-хать, пересекая след по дорогам на лошадях всею охотой. Окладчик помещается на первой головной подводе с одним из помощников, на второй подводе—второй помощник с флагами, при надобности подводы разъезжаются, охватывая круг, за ними следуют на отдельных подводах стрелки. Не лишнее указать, что при следовании на подводах нужно соблюдать известный распорядок: ехать ровным ходом с небольшими интервалами между подводами, позволяющими окладчику передавать, не крича, то или другое распоряжение или указывать иногда о необходимых действиях знаками. Лицо, правящее лошадей, должно быть настороже и во-время замедлять или делать полную остановку, вообще поступая так, как головная подвода с окладчиком.

Больших об'ездов по дорогам при преследовании зверя делать невыгодно, так как зверь после тревоги в большинстве случаев долгое время не ложится и находится на ходу и, будучи захвачен в большом кругу, он успевает выйти из того меньшего круга, который приходится впоследствии выкраивать. Ввиду этого выгоднее, если только имеются дороги, делать об'езды в 2—4 км. Если же имеется возможность перехватить зверя на определенном верном переходе, то о расстоянии речи быть не может, и туда надо поспевать, не теряя минуты и погоня лошадей.

Часто удается, благодаря предвидению окладчика, об-ехать зверя на ходу; стрелки в таких случаях иногда должны занять места по указанию складчика знаком, не останавливая подводы. Другой раз не успеют подводы захватить, как раздастся уже удачный выстрел, и зверь, ушедший, как говорится из рук в руки, попадает, благодаря таланту окладчика и уменью стрелка. Такие удачи после досадования и сожаления от ухода зверя из первого оклада запечатлеваются ярко и заставляют поистине оценить знания окладчика.

Если времени до захода солнца остается слишком мало, то преследование ушедшего без выстрела зверя приходится отложить до следующего дня, по возможности выяснив выслеживанием направление, принятое зверем.

Если ушедший зверь принадлежит к числу зверей, живущих семьею (напр., волки), знание возраста и пола ушедших экземпляров имеет большое значение. Прибылой, оставшись в одиночестве, шатается поблизости, робит, дает мало набродов, поджидая отсутствующих. Осиротевший старый волк делает нередко большой переход, ночью часто воет и удаляется для встречи в места, служившие или служащие коренным убежищем. В этих случаях, знание таких мест, в том числе, например, места бывш, вывода волков (гнезда, служит большим подспорьем, как и знание переходов для пересечения следующим утром свежего следа ушедшего зверя.

Что касается до действий окладчика в отношении ушедшего раненого зверя, то, после подробного выяснения по следу характера ранения, такого зверя необходимо преследовать, даже если уже смеркается; во всяком случае след надо проводить до ближайшего крепкого места, где есть надежда обнаружить признаки следа на следующее утро, в случае, если бы ночью поднялась метель. Иначе может произойти самое досадное в охоте—потеря смертельно раненого зверя. Сильный снегопад и метель способны заравнять настолько снежную пелену, что к утру не остается не только признаков глубоких ямок следа зверя, но и каких-либо следов от стоянки в целине нескольких подвод у места и во время вчерашней охоты.

Определение ранения при бескровном и нормальном следе лишь по признакам, оставляемым снарядом на снегу, — способ весьма относительный. Черточки картечи, дробин по снежной пелене, пересекающие след зверя и частью ударившие, не долетев до следа, скорее могут служить некоторым глазомерным признаком кучности легшего снаряда (и то, если значительная часть снопа дробы прочертила по снегу) и, пожалуй, правильно взятой линии высоты, но отнюдь не меткости (верности) выстрела, так как распознать, было ли сделано слишком большое упреждение или (что чаще бывает) обсаживание, положительно нельзя. Другое дело—след кровяной или значительное количество сбитой шерсти при стрельбе пулею, также и след, изменившийся в поступи, в аллюре, след ненормальный (иной постав ноги, волочение, черчение, приостановки, частые лежки); они хотя и без крови, но дают возможность определить характер ранения.

Однако всякого стреляного зверя, несмотря на полное «отсутствие каких бы то ни было малейших признаков ранения, необходимо проследить хотя бы несколько сот шагов, а при некоторых предположениях ранения даже с километр или вернее на расстояние, когда всякие сомнения рассеются и будет полная уверенность, что зверь невредим. Надо принять во внимание, что нередко при полном отсутствии крови, нормальном следе (поступи) и аллюре зверь падает замертво через сотню шагов. Следует иметь в виду, что стрелок видит иногда зверя один миг, а затем зверь скрывается в зарослях, или видит его после выстрела на протяжении 2—4 десятков шагов, мчащегося во всю мочь и 'бодро скрывающегося в лесу. Надо также учитывать, что не все стрелки обладают достаточным опытом, выражающимся в специальной наблюдательности (навыке), остроте зрения и особым необ'яснимым ощущением верности вскидки или выщеливания, которые позволяют как заметить незначительное изменение в поведении зверя, так и сознать верность направленного выстрела.

Полагаться на суб'ективные показания стрелка, когда они утвердительно характера, можно, тем более, что они дела не испортят, основываться же на отрицательных заверениях стрелявшего—нельзя, чтобы не нарушить весьма ценного правила—выслеживать каждого стреляного зверя.

Существуют признаки в поведении зверя, несомненно, свидетельствовавшие о ранении; некоторые из них влекут за собою соответствующее отображение—отпечатки на снегу; к числу таких признаков можно отнести: вздрагивание зверя всем телом, падение, кувырканье, припадание, тычек мордью в снег, спотыкание, неприступание на какую-нибудь ногу, черчение ногою (волочение), крутой поворот в сторону выстрела, посовывание из стороны в сторону, изменение аллюра, в смысле несоответствия такового невредимости зверя, как-то: переход непосредственно после выстрела с прыжков на рысь, с рыси на шаг, нарушение обычной симметричности цепи следов и др.

След кровяной дает более обстоятельный ответ, так как отвечает и на главный вопрос о характере ранения, степени серьезности его. При снаряде картечным или дробовым сквозные ранения очень редки. Кровотечения от ранения, следовательно, бывают обычно со стороны попадания, поэтому кровь на след стекает по шерсти преимущественно с одной его стороны; однако, быстрые сильные движения при ходе прыжками нередко разбрызгивают скопившуюся на шерсти кровь и на другую сторону; кровь может окрашивать след с обеих его сторон и при ранениях средней линии туловища—зада, спины, шеи и головы и в случаях, когда раненый зверь отряхивается. Кровь посредине линии следа бывает при ранении паха, брюха и нижней части груди, также посредине следа, но несколько впереди его и с разбросом—при кровотечениях горлом.

Кровь, встречающаяся на следу раненого зверя, бывает разных оттенков: чисто красная— цвета бумажных ниток, которыми вышивают полотенца, алая, с примесью нитей слюны, густая малиновая и черно-красная комками (сгустками). Обильное количество чисто красной и алой крови вначале, вскоре затем прекращающейся, обычно свидетельствует о несерьезном (легком) ранении и не должно давать обоснованных надежд на то, что зверь попадет в руки; густая малиновая, а тем более черно-красная кровь свидетельствует о серьезных ранениях внутренних органов; кровь алая с нитями слюны доказывает ранение дыхательных путей или легкого, т. е. ранение серьезное; иногда, правда, алая кровь с нитями слюны случается при ранениях слизистой оболочки пасти, —ранениях, совсем несерьезных, с точки зрения получения добычи. Раненого зверя никоим образом нельзя немедленно преследовать по его следу. Часто зверь, раненый даже сравнительно легко, ложится, отойдя небольшое расстояние, но заслышав приближение человека (да еще по линии хода зверя) уходит и принимает такие меры предосторожности, которые препятствуют обходу и большим кругом. - Неумелое выслеживание раненого зверя может испортить все дело.

Подробно ознакомившись с признаками и серьезностью ранения по следу, можно проводить след смертельно раненого зверя сотню, другую шагов, а затем сделать небольшой круг, лучше всего на лошади по дорогам или пешим обходом; зверя, раненого легко, надо торопиться об'ехать на лошади, отнюдь не провожая след.

Если наступают сумерки, надо торопиться сделать оклад, а охоту отложить до утра.

Охота—страсть, окладчик—охотник. Истинного окладчика не приходится подгонять, его иногда напротив следует сдерживать, оберегать от слишком большого напряжения сил. Мокрая от работы рубаха (хоть выжми) стынет при выходе на поле или при переезде; валенки промокли в непро-мерзшем болоте. Стужа и режущий, как ножом, ветер леденит одежду и вскоре вызывает сильную дрожь, согреться не только на улице, но и дома, не переменяв белья, нет возможности. Несмотря на такие условия, далеко не у всех окладчиков имеется необходимая при их ремесле одежда—нательная фуфайка, запасные сапоги и тулуп для переездов. Работу окладчика надо поэтому ставить в настоящие справедливые, заботливые условия—высокой оплаты труда, хорошего питания и целесообразной теплой одежды, иначе пользование его работой является недопустимым.

Некоторые положения и пожелания

Литература не выучит, но поможет выучиться.
Знаешь дело, знаешь зверя—все приемы, охоты хороши.
Каждого зверя считай бывалым!
Бывалого зверя старайся не переупрямить, а перехитрить.
Волка ноги кормят.
Без мяса и воды волк не живет.
Не забывая разницы между старым зверем и молодым, одним и выводком, бывалым и неопытным.
Знаний своих не скрывай, фактов не извращай.
Общественному делу служба, будь сам общественником.
Привада кормит не только волка, но и окладчика.
Подготовка—всему делу голова.
Флаги просушивай и перематывай.
В оттепель надевай холодные, а в сани бери валенки.
Как начнешь в новой местности народ узнавать, так узнаешь и где зверь находится.
Заботливый окладчик с вечера, да в ночи выйдет на погоду поглядеть.
Дорожи порошею.
С утра не опоздай.
Различай следы зверей, как почерк знакомых.
Выслеживая и окладывая, посторонними мыслями не отвлекайся.
Когда выводок выслеживаешь, веди след матки.
Впускай в оклад и выпускай следы мерою и весом.
Миг зевка губит целый день.
Заячьи тропы лисий след глотают.
После метели вход и выход еще не пустой оклад, пока не узнаешь, где зверь накануне был.
Выслеживая по лесной дороге, иди пешком и по сторонам зорко гляди.
Под'ем выволоки круче, спуск поволоки отложе.
След самки продолговатый, самца—круглее.
Меченая тропа—откровение.
Чтобы не пугать зверя при встрече, не показывай вида, что заметил его.

Выслеживая, не топчи след зверя, а свой веди так, чтобы зверь не догадался, что ты за ним идешь.
Не ошибись в свежести следа, а то все труды рушатся.
Петли не распутывай, а окинь шире по чистому целику.
Зимний день короток, каждая минута дорога.
Когда расстаешься со следом и вновь его встречаешь, не полагайся, что это тот же, а проверь.
Определяя свежесть следа, оцени его качественно и количественно.
От добра добра не ищут.
За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь.
Тропу веди по степи желательного разрежения следов.
Семь раз примерь, один отрежь.
Маленькими окладами не соблазняйся.
За погодой наблюдай.
Выкраивая оклад, и понизу и поверху поглядывай.
Как из дома выходишь, ветер определяй, направление его во время оклада не забывай, а на стрелковой линии проверяй; помни ветер и домой едучи, чтобы спиной к нему сесть.
Флаги крепче держат, когда зверь их из ухоронки видит.
Флаги страшны цветом днем, а ночью только запахом.
Сытый зверь мечтает об отдыхе.
Величина оклада должна быть такой, чтобы зверь не слышал обхода, чтобы она позволяла управлять ходом зверя и не пугала бы зверя слишком близким присутствием человека.
клад веди от входного следа.
Создай такую линию флагов, чтобы зверь, находясь под заслонами, увидал бы их раньше, чем флаги заметили бы его, если бы имели глаза.
При складывании пользуйся дорогами, просеками и полянами.
Создай такие линии флагов при их прямизне, чтобы зверь, находясь под заслоном, увидал бы их не накоротке и не видел бы их на стрелковой линии.
Верный ход и лаз не изменяется от большого оклада.
оздавай нагонистый оклад, коли им не подарила природа.
Не бойся обойти дальше, а бойся линий кривых.
Считая, что зверь ближе всего лежит к той линии, которую ведешь.
Выставляй зверя не силою, а предоставлением ему любимого пути.
Не поленись еще раз проверить след, впуская его в оклад.
Стрелками опушку оклада не подпирай.

Стрелков от оклада далеко не отпячивай—они без манка стоят.
Стрелков ставь так, чтобы они видели друг друга.
Не кричи, как по зрячему, зверь и без того уstraшен.
Молодого или затаившегося зверя жди, где лес погуще.
Когда после выстрела зверь шагом пойдет, знай, что на глазах падет.
Волка бей, пока хвостом шевелит.
Не бойся бить волка близко—этим шкуру не испортишь, а приобретешь.
Раненого зверя к ночи обязательно в крепь проводи.
Помни, какие звери взяты и какие остались.
Помни, что мокрая рубаха по окончании работы опаснее лютого зверя.
Не бойся сказать, что зверь ушел, не бойся признаться, что ошибся.